

ISSN 2587-7844

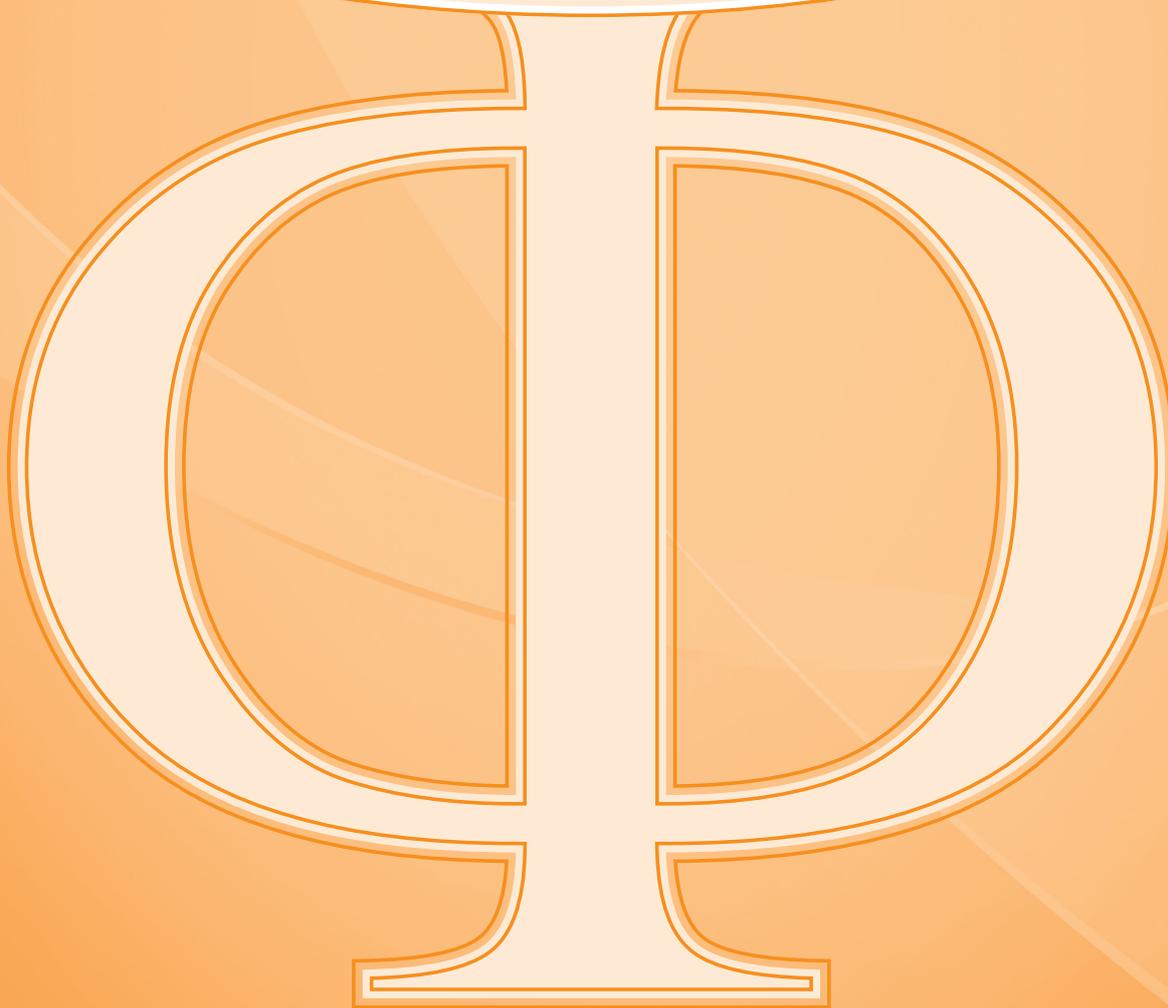
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2020. № 4 (12)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, государственный университет Кенбук (Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии ЯУ, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации ЯУ (Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University, Krakow (Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы русистики

А.Д. Васильев
МОДНОЕ СЛОВО: ИННОВАЦИЯ ИЛИ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ?
A.D. Vasilyev
VOGUE WORD: INNOVATION OR REACTUALIZATION?

[4]

О.Н. Емельянова
КОНЦЕПТ *ДУХОВНОСТЬ*
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
СВЕТСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

O.N. Yemelyanova
SPIRITUALITY CONCEPT
IN RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW:
PROFANE AND RELIGIOUS COMPONENTS
(ACCORDING TO MATERIALS
OF EXPLANATORY DICTIONARIES
OF CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE)

[14]

К.В. Шульгина
ЧУЖАЯ РЕЧЬ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА
КАК ВИД ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА
K.V. Shulgina
SOMEONE ELSE'S SPEECH
IN THE INTERROGATION PROTOCOL
AS A TYPE OF A SECONDARY TEXT

[21]

Язык в зеркале эксперимента

Ш. Асрори, Е.В. Осетрова
ХАРАКТЕРИСТИКА «ИНСТАГРАМА»
ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
Sh. Asrori, E.V. Osetrova
CHARACTERISTIC OF INSTAGRAM
ACCORDING TO THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT:
EXPERIENCE OF INTERPRETATION

[29]

Т.В. Мамаева
ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
T.V. Mamaeva
THE IMAGE OF A WOMAN
IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE YENISEI SIBERIA INHABITANTS

[39]

Т.М. Низамутинова
СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ *Я – НЕ Я*
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ
КРАСНОЯРСКА (НА МАТЕРИАЛЕ
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)
T.M. Nizamutinova
SEMIOTIC OPPOSITION *ME – NOT ME*
IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF SCHOOL CHILDREN IN KRASNOYARSK
(BASED ON A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

[45]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Современная литература в зеркале антиутопии

О.А. Глушенкова, Т.А. Загидулина
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ТОТАЛЬНОСТИ ВЛАСТИ
В ДИСКУРСЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «АПОФЕОЗ МИЛИЦАНЕРА»
Д.А. ПРИГОВА)
O.A. Glushenkova, T.A. Zagidulina
TRANSFORMATION OF THE IDEA OF POWER TOTALITY
IN POSTSTRUCTURALISM DISCOURSE
(BASED ON THE CYCLE "APOTHEOSIS OF POLICEMAN"
BY D.A. PRIGOV)

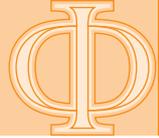
[56]

Т.А. Богумил
СИБИРЬ КАК АНТИУТОПИЯ В ДИЛОГИИ А.В. РУБАНОВА
«ХЛОРОФИЛИЯ» И «ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ»
T.A. Bogumil
SIBERIA AS AN ANTI-UTOPIA IN A.V. RUBANOV'S DILOGY
"CHLOROPHYLIA" AND "LIVING EARTH"

[64]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[78]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-58>

УДК 81-114

МОДНОЕ СЛОВО: ИННОВАЦИЯ ИЛИ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ?

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Практика употребления живого языка закономерно и постоянно порождает различные новации. На лексико-фразеологическом уровне это, наряду с переосмыслением слов, прежде всего возникновение новых единиц. К ним относятся в первую очередь иноязычные заимствования, функционально призванные обозначать какие-то ранее неизвестные реалии, – впрочем, сегодня наиболее действенны другие факторы. Менее частотным оказывается введение в речевой оборот лексических архаизмов, давно ушедших в пассивный запас. Оба названных способа активно используются в дискурсе средств массовой информации, что вполне естественно: они нуждаются в освежении диапазона языкового инструментария в целях повышения эффективности словесных актов, которые призваны воздействовать на аудиторию. Однако такие лексические новшества зачастую становятся, причем без особой необходимости, чрезвычайно частотными в текстах СМИ, обретая статус модного аксессуара.

Цель исследования – семантический и стилистический анализ явления реактуализации глагола *сподвигнуть*.

Результаты исследования. В качестве примера подобного явления можно назвать судьбу глагола *сподвигнуть*, оказавшегося весьма популярным в сфере речевой коммуникации журналистов.

Анализ соответствующих авторитетных лексикографических изданий позволяет проследить судьбу этого глагола. Он был известен древнерусскому языку, но к середине XIX в., и ранее ограниченный в жанрово-стилевом отношении, окончательно утвердился в конфессиональной области. В советский период глагол, вероятно, стал архаизмом настолько глубоким, что не регистрировался лексикографами.

Вывод. Его реактуализации способствовало забвение значения совместности действия, выразившейся изначально приставкой **с-(со-)** и затем переосмысленной как показатель его завершенности. В определенной степени возвращение *сподвигнуть* в речевые акты могло быть поддержано существительным *сподвижник*, история которого не знала резких колебаний употребительности.

Ключевые слова: лексика, неологизмы, модные слова, средства массовой информации, лексикография, динамика лексики, реактуализация архаизма, переосмысление функции префикса.

Постановка проблемы. В практике употребления живого языка на разных его уровнях постоянно возникают различные новации. В лексике – это неологизмы (сегодня прежде всего заимствования-англицизмы), в синтаксисе частные изменения логико-грамматически определенной структуры предложения (ср. укрепление союза *также* в инициальной позиции), в фонетике – все более частотная редукция безударных гласных («московская норма»), при этом дополняемая нередкой элиминацией одного из соседствующих друг

с другом согласных ([вш'э] и т.п., хотя следует отметить и вероятные диалектные истоки ряда аналогичных явлений – [чо] и проч.). Некоторые изменения происходят и в словообразовании, хотя они вряд ли имеют системный характер и обычно выражаются лишь в некоторой модификации аффиксальных элементов, точнее, в их неузуальном включении в состав слова; впрочем, здесь вполне возможны и случаи актуализации лексем и их конструкций, казалось бы, ушедших в пассивный инструментарий языка.

Прежде чем приступить к анализу конкретного примера, укажем хотя бы две тенденции, отчетливо заметные в сегодняшней русскоязычной вербальной коммуникации. Обе они могут быть квалифицированы как реализации псевдориторических приемов.

Первая – это, конечно, гиперонимизация, то есть массовое предпочтение каких-то родовых номинаций как семантически более широких, охватывающих обширную смысловую область, по сравнению с некими видовыми именовани-ями, маркирующими относительно небольшие участки реальности, на которых должно было бы фокусироваться внимание коммуникантов с целью действительно продуктивного речевого общения (ср. ряд примеров в [Васильев, 2019, с. 58–90; и др.]). Полагают, что «гиперонимизация важнейшее направление в семантическом расширении слов, его влияние на развитие мышления велико» [Колесов, 2004, с. 210]. Памятуя о постоянном взаимном влиянии языка и мышления, следует иметь в виду, что закономерным результатом высокой употребительности гиперонимов становится естественное забвение гипонимов, гораздо четче дифференцирующих и материальное бытие, и особенно внутренний мир человека. Иначе говоря, как будто спонтанно совершается операция, описанная в известной антиутопии: «...задача новояза – сузить горизонты мысли <...>. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли <...>. Мышления в нашем современном значении вообще не будет» [Оруэлл, 1989, с. 52]. И «правоверный не мыслит не нуждается в мышлении» [Там же], что, конечно, существенно упрощает решение внутрисударственных задач, вполне комфортное для «элиты», в выступлениях представителей которой тоже наблюдаются черты гиперонимизации а ведь этот дискурс является зачастую эталонным для многих «рядовых носителей языка» [Голев, 2008, с. 5, 16] (впрочем, надо заметить, что подобные процессы характерны и для иноязычных речедеевателей, например еврочиновников [Васильев, 2018, с. 34–35]).

Вторая из упомянутых тенденций – и на первый взгляд будто бы противостоящая первой – может быть условно терминологизирована как своеобразная амплификация. Это намеренная и искусственная избыточность средств выражения, заведомо не являющаяся необходимой с точки зрения эффективности вербализации предполагаемых интенций адресанта. Амплификация интересна в психолингвистическом, риторическом и иных аспектах.

Обзор литературы. Произнесение высказывания вообще – один из наиболее доступных способов самореализации (ср. к тому же социально-ролевую функцию жаргонизмов; терминоидов, имитирующих наукообразия; агнони-

мов в политической пропаганде; наконец, так называемых «модных слов», или «слов-метеоров» [Комлев, 2003, с. 187]). Подобное стремление в известном ранее фантастическом романе – «привычку говорить во что бы то ни стало» объясняется «желанием утвердить перед другими свою личность. Кроме того, извергая потоки слов, человек получал психологическую разрядку, необходимую в этом мире постоянного угнетения и раздражения» [Ефремов, 1989, с. 320]. Известны и статусно обусловленные факторы целенаправленного многословия. Например, бурные речевые потоки политических лидеров нередко мало-содержательны (как горбачевские монологи), либо маскируют какие-то детали, не подлежащие акцентированию («Где умный человек прячет камешек?» <...> – «На морском берегу» [Честертон, 1980, с. 77]).

Искусственное наращивание внешнего объема речевого акта при его скромном внутреннем содержании происходит и за счет использования «слов-паразитов» (хотя и несущих подчас некую функциональную нагрузку, – см. [Васильев, 2000, с. 62–72; 2003, с. 91–103]), и даже служебных слов, ср. *положение с ...*, *ситуация с ...*, *кризис с ...*, или: *курсы по ...*, *план по ...*, *штаб по ...* и т.п.

Вероятно, аналогичные явления можно наблюдать и в современном использовании полнозначных слов, становящихся частотными.

Цель исследования – семантический и стилистический анализ явления реактуализации глагола *сподвигнуть*.

Результаты исследования. Рассмотрим в качестве примера употребление глагола *сподвигнуть*, распространенное по крайней мере с 2019 г. В телевизионном дискурсе: «Что вас *сподвигло* [бросить курить]?» (Отражение. ОТР. 05.06.19. Примечательно, что этот вопрос ведущие передачи задают собеседнику-зрителю почти синхронно и с одинаковой полуироничной интонацией). – «Никто их [руководителей институтов] к этому [уходу с должностей] не *сподвигнул*» (М. Румянцев, и.о. ректора СФУ. Новости. 7 канал. 31.07.19). – «Внезапное наводнение *сподвигло* жителей на обустройство защитных сооружений» (Новости. Rep.TV. 16.08.19). «Это *сподвигло* Бочкину к стахановским подвигам» (Т/с «След», «Тупик памяти». 5 канал. 05.09.19). «Что *сподвигло* мужчину открыть огонь?» (Новости. ТВК. 24.12.19); в переводной кинореплике: «Что тебя *сподвигло*?..» («007: СПЕКТР»). – «Что *сподвигло* истца обратиться?..» (Тест на отцовство. Домашний. 07.02.20). – «Что *сподвигло* подростка на такой поступок...» (Воскресные новости. ТВК. 19.04.20). «Эпизод, который меня окончательно *сподвиг*...» (О. Молчанова. Прямой эфир. 17.06.20). – «Что его *сподвигло* на такой поступок...» (Новости. ТВК. 16.10.20). «Что *сподвигло* вас обратиться?» (На самом деле. 1 к. 19.10.20). «Я не знаю, что его *сподвигнуло*...» (НТВ. 24.10.20) и др. В печатной периодике: «Погода в Нижнем Новгороде *сподвигла* на рекорды» (РГ Неделя. № 45 (7803) 28.02.19. С. 16) и т.п.

Может создаться впечатление, что глагол *сподвигнуть*, не регистрируемый авторитетными словарями на протяжении длительного времени, является продуктом новейшего словопроизводства. Однако исторический анализ дает иные результаты.

В древнерусском языке известны *подвигнути* – «...3) ‘побудить, склонить, принудить к чему-л’: „Нъ да не въ отчаяние я въведет глаголением, нъ да въ покаяние подвигнет”. Златоустр., 37. XII в. <...> „Хошу рещи, о друзи и братия, повесть, иже не точию человеки, но и безсловесныя скоты, и нечювственное камение может подвигнути на плач”. Пов. Ник. Зар. (Лих.)¹, 23. XVII в. ~ XVI в.» [СлРЯ XI–XVII вв., 1989, вып. 15, с. 228] – и *сподвигнути* – «1) ‘побудить к движению, действию’. „Младенець видѣнъ бысть, Слово сыи превѣчное, вѣлхвы съподвигнувь от Пърсиды на поклонение <...>”. Мин. Дек.¹, 497. XII в. „Сего ради... такоже умыслихъ нѣчто тобѣ отъ малыхъ написати <...>, сподвигнути слово или дѣло народное <...> къ своей вѣчности...” (Посл. Карп. лет. Дан.) Сб. Друж., 108. XVI в.» [СлРЯ XI–XVII вв., 2006, вып. 27, с. 53].

На рубеже XVIII–XIX вв. лексикографы фиксируют *подвигнуть* в статье глагола *двигать*: «...2) в славен. и высоком слоге прош., буд. и неопред. однократная: *подвигнул* и *подвигъ*, *подвигну*, *подвигнуть*: ‘возбуждать кого противу другого, или к чему’. „Подвигнуть кого похвалами къ добродѣтели, наградою къ трудамъ, почестями къ великимъ подвигамъ”. „Подвигнуть слезами къ милосердію”» [САР₂, ч. IV, с. 236]; *сподвигнути* здесь не приводится.

В середине XIX в. академический словарь предлагает глаголы *подвинуть* (в статье *подвигать* [Сл1867, т. 3, с. 528]) и *сподвигнути* в статье *сподвизати*: «церк. ‘возбуждать к соучаствованию в подвиге’» [Сл1867, т. 4, с. 423].

У В.И. Даля «црк. *подвизать*, *подвѣнуть* и *подвигнуть* кого на что ‘побудить, заставить сделать что, преклонить к чему’». «Что подвигло тебя на такой поступок?» [СлДаля, 1955, т. III, с. 164], а *сподвигнуть* (в статье *сподвизати*) кого на что ‘побуждать, поощрять, одушевлять, ободрять, направить на какую-либо деятельность’; *сподвизатися* – ‘соподвизаться, соратовать, соусердствовать, соревновать кому’ // ‘подвизаться на каком-либо поприще’ [СлДаля, 1955, т. IV, с. 293].

В XX в. советский толковый словарь содержит *подвигнуть* «книж. торж. устар. ‘побудить, склонить к совершению чего-н.’ „П. на борьбу”» [СУ, 1939, т. 3, с. 369]; глагол *сподвигнуть* не зарегистрирован.

Несколько позднее академический словарь фиксирует *подвѣгнуть* «устар. ‘побудить, склонить к совершению чего-либо’» [БАС₁, 1960, т. 10, с. 271], причем все примеры употребления слова заимствованы из произведений русской классики XIX столетия; глагол *сподвигнуть* не приведен.

Последний академический толковый словарь советской эпохи дает *подвигнуть* «устар. ‘склонить к совершению чего-л., побудить’». «И если я наполнил жизнь борьбою За идеал добра и красоты, <...> – О, мать моя, подвигнут я тобою!» (Некрасов) [МАС₂, 1983, т. 3, с. 178]; глагол *сподвигнуть* отсутствует.

Можно говорить о том, что глагол *подвигнути* (*подвигнуть*) изначально обладал некоей торжественно-приподнятой коннотацией, выступая в текстах религиозно-учительной принадлежности, однородных в жанрово-стилевом отношении, как переводных, так и оригинальных. Эта окрашенность слова сохранилась и в XVIII–XIX вв., о чем свидетельствуют лексикографические пометы

славен. и высокий слог [САР₂] и церк. [Сл1867; СлДаля]. Стоит сказать, что первые две из упомянутых, по крайней мере, отчасти дублируют друг друга (см. [Замкова, 1975, с. 21]), а хронологически позднейшая носит не столько генетический, сколько функционально-стилевой характер. Словари советского периода, лишь в начале его указав на ограниченность сферы употребления глагола, последовательно маркируют *подвигнуть* как архаизм.

Наряду с этим заслуживает внимания отсутствие лексикографических фиксаций глагола *сподвигнуть* в авторитетных изданиях вплоть примерно до середины XIX в., – как и его исчезновение из крупных толковых словарей XX в. Вряд ли такие результаты могут быть всецело объяснены недостаточным тщанием некоторых специалистов-составителей.

Стоит напомнить, что один из устойчивых семантических элементов глагола с приставкой **съ-** (после падения редуцированных пережившей трансформацию в **с-**, **со-** [Якубинский, 1953, с. 144]) – это обозначение совместного выполнения некоего действия, остающееся актуальным и в современном русском языке. Ср. глаголы с префиксом **со-** обладают значением «совместно совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 371].

Такая семантика не отражена в статье глагола *сподвигнути* в [СлРЯ XI–XVII вв.] (см. выше), но очевидно присутствует в том же словаре при толковании возвратного *сподвигнутися* – «1) ‘в м е с т е подняться, двинуться’. „И вскоре сославшися сподвигошися от всех градусов, со всеми своими воинствы поидошя к царствующему граду на отмщение крови христианския”. Сказ. Авр. Палицына¹, 215. 1620 г.» [СлРЯ XI–XVII вв., 2006, вып. 27, с. 53].

Тот же смысловый элемент участвует в семантизации глагола *сподвигнути* / *сподвизати* в XIX в., когда говорится о **с о в м е с т н о м** участии в подвиге (со-участвовании) [Сл1867] либо толкование производится за счет перечисления синонимических глаголов с тем же префиксом **со-**, также обозначающих не индивидуальное, но именно групповое (иначе говоря совместное) действие, – ср.: *соратовать* ‘быть чьим соратным товарищем’, *соревновать* ‘...совместничать, ревностно стремиться за другими’ [СлДаля, 1955, т. IV, с. 274].

Весьма вероятно, что по истечении времени носителями языка приставка **с-** глаголе *сподвигнути* перестала осознаваться как указатель **с о в м е с т н о г о** выполнения называемого действия, но начала пониматься в качестве сигнала однократного действия («однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 370]), что акцентируется и суффиксом **-ну-**, и / или (что еще более возможно) сигнала окончательности действия («совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» [Русская грамматика, 1980, с. 371]). Допустимо предположить: воздействие приставки **с-** в обеих названных функциях было настолько сильным вследствие ее участия в образовании многих глаголов, что указание на совместность действия, когда-то выраженную словом *сподвигнуть*, решительно ушло из поля зрения носителей языка и утратилось в речевом общении.

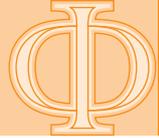
В этом случае глаголы *подвигнуть* / *сподвигнуть* фактически взаимоподобились в своих значениях, а, как давно установлено, наличие в языке абсолютных синонимов, или лексических дублетов, «оправдано только его развитием и представляет собой явление переходное, временное <...>» [Шанский, 1972, с. 56], постепенно (иногда и почти незаметно для наблюдателя) уходя в глубокий пассивный запас. Подобное происходит и в отношениях между словами, объединенными друг с другом иными парадигматическими отношениями. Например, хорошо известна многолетняя конкуренция между паронимичными глаголами *надеть* / *одеть*, которую, судя по речекommunikативной практике, несомненно выигрывает второй из них, несмотря на столь же длительные и настойчивые лингводидактические усилия.

Однако (и это тоже хорошо известно из истории многих русских слов) нередко случаи извлечения из лексического запасника единиц, вновь востребованных обстоятельствами жизнедеятельности социума, что зачастую сопровождается переосмыслением лексемы при ее звукобуквенной стабильности – *дружина* и мн. др. Впрочем, большой вопрос: привносит ли использование глагола *сподвигнуть* в его сегодняшнем осмыслении хоть что-нибудь безусловно положительное для духовного обогащения аудитории, для повышения качества ее осведомленности об окружающем мире, для культурного роста адресатов? Скорее всего, нет. Это лишь элемент набора вербальных средств, которыми оперируют деятели СМИ (наверное, сегодня в своей совокупности обоснованно заслуживающие гордого обозначения *медийщики*, – ср. *паяльщик*, *лудильщик*, *притворщик*, *обманщик* и проч.), вероятно, каким-то образом иногда ощущая необходимость их обновления в целях повышения эффективности высказываний.

Ср.: «Средства массовой информации, адресуя свои сообщения <...> абстрактному, среднему адресату <...>, поступают правильно, если в достаточной мере варьируют свои сообщения или их фрагменты в разных словесных выражениях» [Комлев, 2003, с. 194].

Как и во многих подобных ситуациях, затруднительно утверждать определенно, кто первым сказал «Э!» (см. [Гоголь, 1966, с. 33]), то есть вновь ввел в активный оборот глагол *сподвигнуть*, и это не играет принципиально важной роли в сугубо лингвистическом аспекте. Гораздо более значимы иные сопутствующие обстоятельства, в том числе и социокультурного характера.

Довольно закономерно, что объектом творческих (или, скорее, *креативных* [Савченко, 2009, с. 358]) усилий штатных речедейателей оказался именно глагол: «Глагол это цельная мысль <...>. Н о в о е – вот что важно в глаголе. Не багаж, а свежесть новости скрыта в глаголе, когда его произносят» [Колесов, 1988, с. 178], причем как «парадокс речевого усилия» выступает то, что «уточнение смысла слов и их обобщение идет через эмоцию, заложенную в каждом новом и непривычном сочетании с приставкой» [Колесов, 1988, с. 203]. С другой стороны, на примере истории реактуализированного в употреблении глагола *сподвигнуть* можно вновь убедиться, что в речи СМИ «не рождается ничего позитивно нового, потому что упор сделан на коммуникативный аспект речи» [Колесов, 2004, с. 169–170].

Кроме того, осознанное появление каких-то действительно незаурядных (то есть положительных и с точки зрения эффективности воздействия на адресата, и с точки зрения совершенствования его внутреннего мира) новшеств на уровне применения лексико-фразеологических единиц весьма проблематично. Даже фрагментарные наблюдения за фактами и тенденциями речевой коммуникации, тиражируемыми в СМИ, неизменно подтверждают оценку, данную их производителям: «...Значительная часть создателей массово потребляемых текстов попросту малограмотные неотягощенные морально и этическими нормами недоучки» [Кравченко, 2008, с. 45] (см. также [Васильев, 2000, с. 6–16; 2003, с. 25–38; и др.]).

В качестве некоего катализатора, поддерживающего в сознании языкового коллектива фоновые представления о возможности и даже уместности употребления глагола *сподвигнуть*, вероятно, фигурирует существительное *сподвижник*, историческая судьба которого характеризуется гораздо большей последовательностью (см. [Васильев, 1993, с. 52–56]). По максимально упрощенной но потому и несокрушимой! логике носителя «обыденного метаязыкового сознания» [Голев, 2008, с. 5], если существуют слова *подвижник* и *подвигнуть*, то якобы вследствие наличия слова *сподвижник* обязательно должно быть и *сподвигнуть* (естественно, без каких-либо усилий его осмыслить).

Вывод. Глагол *сподвигнуть* с достаточными основаниями сегодня допустимо квалифицировать как «модное слово», или «слово-метеор», скоростное и широкое распространение которых обретает характер эпидемии [Комлев, 2003, с. 187]. Нельзя не признать точность этой метафоры, поскольку вредоносные последствия подобных процессов в речевой коммуникации значимы для общественного сознания, которое уже заметно трансформировано далеко не в лучшую сторону (см. [Васильев, 2014, с. 75–87, 137–219; 2019]).

Однако станет ли рассмотренный глагол «метеором», пробыв в обороте сравнительно краткое время, или же укрепитесь в практике речевого общения благодаря усилиям публичных коммуникантов, сказать, конечно, невозможно: как показывает некоторый опыт, прогнозирование языковых феноменов не входит в профессиональную компетенцию лингвистов, понимающих дискретность и непредсказуемость языка. Динамика глагола *сподвигнуть* достаточно наглядно иллюстрирует это положение, а с другой стороны, служит небезынтересным конкретным примером речевых феноменов.

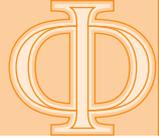
Библиографический список

1. Васильев А.Д. Динамика слова в истории русского языка. Красноярск, 1993. 148 с.
2. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. М., 2018. 144 с.
3. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
4. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
5. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. 166 с.

6. Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М., 2014. 240 с.
7. Гоголь Н.В. Ревизор. М., 1966. С. 19–114.
8. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. I–IV. М., 1955 [СлДаля].
10. Ефремов И.А. Час Быка // Ефремов И.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989. Т. 5, кн. 2. 462 с.
11. Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. М., 1975. 224 с.
12. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. 271 с.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 240 с.
14. Комлев Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. 2-е изд. М., 2003. 216 с.
15. Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 22–220.
16. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1: Фонетика. Словообразование. Морфология.
17. Савченко Л.Р. Слова *творческий* и *креативный* как явления дискурсивной квазисинонимии // Предъявления світу в гуманітарних дискурсах ХХІ с. Луганск, 2009. С. 351–361.
18. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Спб., 1806–1822. Ч. I–VI (САР₂).
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15. 288 с. (СлРЯ XI–XVII вв.).
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2006. Вып. 27. 276 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984 (МАС₂)
22. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17 (БАС₁).
23. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Академии наук. Спб., 1867. Т. 1–4 (Сл1867).
24. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4 (СУ).
25. Честертон Г.К. Сломанная шпага // Честертон Г.К. Рассказы. М., 1980. С. 76–95.
26. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1972. 327 с.
27. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. 368 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-58>

VOGUE WORD: INNOVATION OR REACTUALIZATION?

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The practice of using a living language naturally and constantly gives rise to various innovations. At the vocabulary and phraseological level, this is primarily the emergence of new units. These include primarily foreign-language borrowings, designed, as a rule, to denote some previously unknown realities – however, today other factors are most effective. The introduction of lexical archaisms, which have long gone into passive reserve, is also quite productive. Both of these methods are actively used in the discourse of the media, which is quite natural: they need to refresh the range of language tools in order to increase the effectiveness of verbal acts that should affect the audience. However, such lexical innovations often become, without much need, extremely frequent in media texts, gaining the status of a fashion accessory.

The purpose of the article is a semantic and stylistic analysis of the phenomenon of lexeme re-actualization.

Research results. One of the examples of such a phenomenon is history of the Russian verb “spodvignut” (inspire), which turned out to be very popular in the field of speech communication of journalists. Analysis of the relevant authoritative lexicographic publications allows us to trace the fate of this verb. It was known to the Old Russian language, but by the middle of the XIX century, and previously limited in genre-style terms, it finally established itself in the confessional field. In the Soviet period, the verb probably became archaism – so deep that it was not recorded by lexicographers.

Conclusion. The Russian verb’s re-actualization, apparently, was facilitated by forgetting the meaning of compatibility of action, expressed initially by the prefix s- (so-) and then rethought as an indicator of its completeness. To a certain extent, a return of the Russian verb “spodvignut” into speech acts might have been supported by the noun “spodvizhnik”, the history of which did not know sharp fluctuations in frequency.

Keywords: *vocabulary, neologisms, vogue words, mass media, lexicography, vocabulary dynamics, re-actualization of archaism, rethinking of a prefix function.*

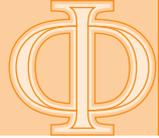
References

1. Vasil'ev A.D. Dinamika slova v istorii russkogo yazyka. Krasnoyarsk, 1993. 148 p.
2. Vasil'ev A.D. Ocherki politicheskoy lingvistiki. M., 2018. 144 p.
3. Vasil'ev A.D. Prevrashcheniya slov. Sovremennye leksiko-semanticheskie processy. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
4. Vasil'ev A.D. Slovo v rossijskom teleefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya. M., 2003. 224 p.
5. Vasil'ev A.D. Slovo v teleefire. Ocherki novejshego slovoupotrebleniya v rossijskom televeshchanii. Krasnoyarsk, 2000. 166 p.
6. Vasil'ev A.D. Sovremennoe mifotvorchestvo i rossijskaya televizionnaya slovesnost'. M., 2014. 240 p.
7. Gogol' N.V. Revizor. M., 1966. P. 19–114.
8. Golev N.D. Osobennosti sovremennogo obydenogo metazykovogo soznaniya v zerkale ob-suzhdeniya voprosov yazykovogo stroitel'stva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2008. № 3 (4). P. 5–17.

9. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Izd. 2-e. M., 1955. T. I–IV (Sl. Dalya).
10. Efremov I.A. Chas Byka // Evremov I.A. Sobr. soch.: v 5 t. M., 1989. T. 5, kn. 2. 462 p.
11. Zamkova V.V. Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII v. M., 1975. 224 p.
12. Kolesov V.V. Kul'tura rechi – kul'tura povedeniya. L., 1988. 271 p.
13. Kolesov V.V. Yazyk i mental'nost'. SPb., 2004. 240 p.
14. Komlev N.G. Slovo v rechi. Denotativnye aspekty. 2-e izd. M., 2003. 216 p.
15. Oruell Dzh. 1984 // Oruell Dzh. „1984” i esse raznyh let. M., 1989. P. 22–220.
16. Russkaya grammatika. M., 1980. T. 1: Fonetika. Slovoobrazovanie. Morfologiya.
17. Savchenko L.R. Slova *tvorcheskij* i *aktivnyj* kak yavleniya diskursivnoj kvazisisinonii // Pred'yavleniya svitu v gumanitarnyh diskursah XXI s. Lugansk, 2009. P. 351–361.
18. Slovar' Akademii Rossijskoj, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyj. Spb., 1806–1822. Ch. I–VI (SAR₂).
19. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 1989. 288 p. Vyp. 15 (SIRYA XI–XVII vv.).
20. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. M., 2006. Vyp. 27. 276 p.
21. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd. M., 1981–1984.
22. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.; L., T. 1–17. 1948–1965.
23. Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj Vtorym Otdeleniem Akademii nauk. Spb., 1867. T. 1–4 (S11867).
24. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D.N. Ushakova. M., 1935–1940. T. 1–4 (SU).
25. Chesterton G.K. Slomannaya shpaga // Chesterton G.K. Rasskazy. M., 1980. P. 76–95.
26. Shanskij N.M. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 2-e. M., 1972. 327 p.
27. Yakubinskij L.P. Istoriya drevnerusskogo yazyka. M., 1953. 368 p.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-59>

УДК 811.161.1*06

КОНЦЕПТ ДУХОВНОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: СВЕТСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)

О.Н. Емельянова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются содержание концепта *духовность*, формируемое толковыми словарями современного русского литературного языка, изменение его (концепта) функционально-стилистической лексикографической квалификации как отражение изменения ценностных ориентиров в социуме.

Цель статьи – исследование лексикографической истории концепта *духовность* при сравнительном анализе разных словарей.

Методология исследования основана на сравнительно-сопоставительном методе, контекстуальном и, прежде всего, лексикографическом анализе основных толковых словарей русского языка.

Результаты исследования. Проведенное исследование показало, что в толковых словарях русского языка отсутствует строгая унификация в толковании и функционально-стилистической квалификации исследуемого концепта.

Выводы. В современной отечественной толковой лексикографии отсутствует единый подход как в понимании содержания (толковании) концепта *духовность*, так и в его функционально-стилистической квалификации.

Авторский вклад заключается в широкоформатном (все основные толковые словари современного русского языка) и очень подробном исследовании, не проводившемся ранее в отношении указанного концепта.

Ключевые слова: *духовность, языковая картина мира, концепт, толковый словарь, лексикографическая квалификация, стилистический комментарий, энциклопедическая ремарка.*

Актуальность рассмотрения понятия «духовность» в русской языковой картине мира не вызывает сомнений. Так исторически сложилось, что духовность как концепт русской картины мира присутствует и в светской и в религиозной сферах, отражая ценностные установки, культурные смыслы и многое другое. (Недаром Словарь русских синонимов определяет это понятие через 4 синонима: Духовность *религиозность, душевность, интеллектуальность, церковность.*) В самом широком понимании «духовность» можно рассматривать как синоним «нравственности».

Как отмечают исследователи, изначальный смысл религиозного аспекта духовности проявляется в переживании человеком непосредственной связи с боже-

ственным началом, стремление к которому предполагается потенциально заложенным в каждом человеке. В этом аспекте духовность понимается как духовное начало в человеке или обществе, свойство и проявление духовной жизни; сфера религиозных интересов человека. Христианское представление о духовности связано с «внутренним человеком», «голосом совести» [Ильин, 1993, с. 324–326].

В светском мировоззрении духовность понимается как свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными, или, еще уже, внутренний мир человека в противопоставлении физическому, телесному.

Слово как объект исследования приобретает особый статус в рамках лингвокультурной концептологии: «знаковое тело» концепта, по замечанию С.Г. Воркачева, «стоит» над его смысловой областью, как спутник стоит на геостационарной орбите [Воркачев, 2014]. Вербализация концепта в определенном языке свидетельствует о его значимости в культуре и, собственно, об его онтологическом статусе [Там же]. «Русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских <...> слов, означающих культурные концепты», отмечает Ю.С. Степанов [Степанов, 1997, с. 10].

В данной статье мы постараемся проследить, как менялась семантическая и функционально-стилистическая характеристика слова «духовность» в толковых словарях современного русского языка и как эта характеристика отражала формирование современного представления о «духовности» в российской культуре.

Прежде чем обратиться непосредственно к толковым словарям современного языка, заметим, что в «Словаре церковно-славянского языка» слово «Духовность» отсутствует (в Библии «духовность» есть – см. Ис. 30:15), несмотря на изначальный религиозный смысл данного понятия.

Отсутствует это понятие и в Словаре Даля (есть *Дух бестелесное существо и духовный*).

Нет концепта «Духовность» и, например, в «Советском энциклопедическом словаре» [Советский..., 1989].

Первым из толковых словарей современного русского литературного языка является «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (далее Словарь Ушакова (СУ), один из основных толковых словарей. Он открыл «толковую» отечественную лексикографию XX в. Те глобальные потрясения начала века – Мировая война, революции, Гражданская война, – которые перевернули жизнь внутри страны, не могли не отразиться на состоянии языка, и прежде всего на его словарном составе: какие-то пласты слов вышли из активного употребления, какие-то появились. Конечно, время и условия, в которых создавался этот словарь, не могли не отразиться на нем: Словарь Ушакова – самый «идеологически выверенный» толковый словарь русского языка. Тем не менее появление данного словаря стало событием большого научного, общественного и культурно-просветительского значения.

В Словаре Ушакова дается следующее толкование слова *Духовность*: **Духовность** (*книжн. устар.*). Отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа (в 1 знач.) [СУ, т. 1, с. 815]. (*Дух* – 1. Психические способности, ум. *Здоровый дух в здоровом теле* [СУ, т. 1, с. 814].) Как видим, словарь относит данное понятие к *книжной* и *устаревшей* лексике.

Следующим толковым словарем является «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (далее – Словарь Ожегова (СО)) – одготомный нормативный словарь современного русского литературного языка. Он создан на основе Словаря Ушакова, в составлении которого с 1927 по 1940 г. активное участие принимал С.И. Ожегов. Требовалось подготовить одготомный словарь современного русского языка как краткую переработку четырехтомного Ушаковского словаря. Первое издание словаря вышло в 1949 г. Словарь быстро завоевал признание широкого круга читателей и в 1952 г. был переиздан в исправленном и дополненном виде. Всего при жизни С.И. Ожегова вышло шесть изданий словаря: 3-е (1953), 5-е (1963) и 6-е (1964) стереотипные, а 4-е (1960) – исправленное и дополненное. Стереотипными были также 7-е (1968) и 8-е (1970) издания, вышедшие уже после его смерти.

В Словарь Ожегова слово «Духовность» не включено (вероятно, как устаревшее – по характеристике СУ, продолжателем которого является СО).

Начиная с 9-го издания работу над словарем продолжила Н.Ю. Шведова, которая совместно с Ожеговым была редактором-лексикологом 2-го издания. Под ее редакцией и с ее участием как соавтора с 1972 по 1991 г. вышли 14 изданий словаря. Как пишет сама Н.Ю. Шведова, «с этого времени началась новая жизнь словаря. <...> Двадцать первое издание „Словаря русского языка” С.И. Ожегова по сравнению с последним нестереотипным прижизненным его изданием (4-е, 1960) было по существу новой книгой» [СОШ, 2003, с. 3]. Объем словаря вырос с 57 000 до 70 000 слов. Словарь стал выходить под именами С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и в таком виде пережил множество переизданий.

В таком варианте словаря лексема «духовность» появилась и толкуется как: «**Духовность** – Свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными» [СОШ, 2003, с. 183].

Однако по инициативе наследников С.И. Ожегова выпуск словаря был приостановлен, и начало выходить альтернативное издание под редакцией профессора Л.И. Скворцова, который в статье, посвященной С.И. Ожегову, высказался в отношении словаря Ожегова – Шведовой следующим образом: «В настоящем своем виде Ожеговско-Шведовский словарь перестал отвечать требованиям массового пособия по культуре речи, нормативному словоупотреблению. Составитель-соавтор отказывается от решения задач, четко сформулированных С.И. в предисловии „От автора” в последнем прижизненном издании Словаря. <...> В словаре Ожегова – Шведовой нарушается принцип краткости и компакт-

ности. По объему словника, количеству включенных в него слов и выражений (80 тысяч) он приближается, скорее, к среднему типу, по классификации С.И. Он сопоставим в этом отношении с Ушаковским словарем и с четырехтомным „Словарем русского языка” РАН. В сущности, это какой-то новый, промежуточный тип – между кратким однотомным и средним четырехтомным. Условно его можно было бы назвать „двухтомником в одном томе”» (Скворцов, 2001, с. 7). В аннотации к вышедшему в 2010 г. уже под редакцией Л.И. Скворцова 26-му изданию словаря С.И. Ожегова сказано: «Настоящий словарь является исправленным и дополненным изданием классического „Словаря русского языка” С.И. Ожегова».

К сожалению, как отмечают многие исследователи, данный словарь, по существу, воспроизводит последнее прижизненное издание Словаря Ожегова с самыми минимальными правками, что означает возврат к прошлому. Поэтому и лексема *духовность* в новом (по времени выпуска, но не по содержанию) словаре нет.

«Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (далее – Большой академический словарь (БАС)) – это самый большой словарь русского литературного языка. В нем описано свыше 120 000 слов. Главное отличие данного словаря – исключительно подробное, детальное рассмотрение и описание всех особенностей лексических единиц.

Во втором издании БАС «духовность» определяется как «духовная интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности; богатство духовного мира человека, высокий уровень нравственных, интеллектуальных потребностей, норм» [БАС, 1991, с. 531]. Слово квалифицируется как общеупотребительное и нейтральное.

«Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее – Малый академический словарь (МАС)) – академический нормативный толковый словарь современного русского литературного языка, созданный на основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах. По назначению и объему он близок Словарю Ушакова. Как и последний, Малый академический словарь принадлежит к среднему типу нормативного толкового словаря. Через 20 лет после первого, в 1981–1984 гг., вышло второе издание словаря, исправленное и дополненное. Это издание содержит более 90 000 слов. Принято считать, что второе издание Малого академического словаря – наиболее совершенный лексикографический труд своего времени, в котором учтены многие достижения отечественной и мировой лексикографии, и сегодня это по-прежнему самый авторитетный нормативный академический словарь современного русского литературного языка. Все последующие переиздания словаря стереотипные.

В данном издании «Духовность» трактуется как устаревшее понятие со значением: «**Духовность** – *Устар.* Духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности» [МАС, 1981, т. 1, с. 455].

«Большой толковый словарь русского языка» (далее – Большой толковый словарь (БТС)), как утверждает его главный редактор С.А. Кузнецов, в известной степени можно назвать преемником двух основных академических словарей, изданных в СССР (имеются в виду БАС и МАС).

Слово «духовность» в словарь включено и определено как: «**Духовность** – духовная, интеллектуальная природа, внутренняя, нравственная сущность человека (противопологаемая его физической, телесной сущности). *Высшая д. Утрата духовности. Возрождение духовности общества. Высокая степень духовности определяет здоровье нации*» [БТС, 1998, с. 289].

«Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г.Н. Складневской вышел в 2001 г. Словарь «посвящен описанию и классификации динамических процессов, которые отражают стремительные общественные перемены, происходящие в России» [Толковый словарь..., 2001, с. 3]. Издание описывает более 7000 слов и устойчивых словосочетаний, «отражающих языковые динамические процессы нашего времени, порожденные политическими, экономическими, социальными, культурными и другими переменами в обществе» (из аннотации к словарю).

В этом словаре **впервые** слово «духовность» представлено как неоднозначное: «**Духовность** – 1. *Рел.* Нематериальное, божественное начало в жизни и в человеке; сфера религиозных интересов человека. *Именно не реализм Гоголя, но его высокая духовность и тонкая потусторонность особенно увлекали.* Рерих Н. Зажигайте сердца. *Основой духовности великого художника, как и всех русских людей, был культ Богородицы, культ Девы Марии.* Дементьев В. Дионисий. *На старые религии падает в значительной степени ответственность за последующий безрелигиозный этап, за духовную судьбу миллионов душ, которые ради борьбы за справедливое мироустройство противопоставили себя религии вообще и этим вырвали корни своего бытия из лога мировой духовности.* НиР, 1991, № 5. 2. *В советское время: внутренний мир человека в противоположность физическому, телесному. Духовность, наряду с целым рядом других определений, указывает на одну из граней человека социализма* ЛГ, 09.07.69» [Толковый словарь..., 2001, с. 238–239].

Итак, сопоставительный анализ важнейших (и не только) толковых словарей современного русского языка показывает отношение к социокультурному концепту «Духовность», проявляющееся самым широким спектром от полного игнорирования, т.е. невключения его в словарь (БАС-1, СО), признания устаревшим для советской действительности (СУ, МАС), до, наконец, признания общепотребительным, нейтральным (БАС-2, СОШ, БТС). При этом лишь один словарь (СКЛ) разделяет религиозный и светский компоненты значения концепта «Духовность», помечая их ремарками *Рел.* (религия) и *В советское время*.

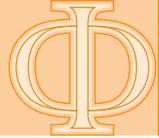
Таким образом, отечественная толковая лексикография демонстрирует «разброд и шатание» в понимании и в принятии / неприятии одного из самых важных концептов русской картины мира. Как говорится, выводы делайте сами.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998 (БТС).
2. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualiaselecta. Волгоград, 2014. 330 с.
3. Ильин И.А. Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 2. 485 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1961 (СО).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2003 (СОШ).
6. Петрухина Е.В. Русская языковая картина мира и православное сознание // Виноград: православ. пед. журн. 2007. № 3 (19). С. 6–11.
7. Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР / гл. ред. А.П. Евгеньева; АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984 (МАС).
8. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991. Т. 1. 864 с. (БАС).
9. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 (СУ).
12. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.

Сведения об авторе

Емельянова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: olniem @ mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-59>

SPIRITUALITY CONCEPT IN RUSSIAN LANGUAGE WORLDVIEW: PROFANE AND RELIGIOUS COMPONENTS (ACCORDING TO MATERIALS OF EXPLANATORY DICTIONARIES OF CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE)

O.N. Yemelyanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the content of the spirituality concept, formed by the explanatory dictionaries of the modern Russian literary language; the change in its (concept) functional-stylistic lexicographic qualifications as a reflection of the change in value orientations in society.

The purpose of the article is to study the lexicographic history of the spirituality concept in a comparative analysis of different dictionaries.

The research methodology is based on the comparative method, contextual and, above all, lexicographic analysis of the main explanatory dictionaries of the Russian language.

Research results. The study showed that there is no strict unification in the interpretation and functional-stylistic qualifications of the concept under study in the explanatory dictionaries of the Russian language.

Conclusions. In modern domestic explanatory lexicography, there is no unified approach both to understanding the content (interpretation) of the spirituality concept, and in its functional and stylistic qualifications.

The author's contribution consists in a large-format (all the main explanatory dictionaries of the modern Russian language) and a very detailed study, which has not been carried out earlier in relation to this very concept.

Keywords: *spirituality, linguistic worldview, concept, explanatory dictionary, lexicographic qualification, stylistic commentary, encyclopedic remark.*

References

1. Big explanatory dictionary of the Russian language / S.A. Kuznetsov. SPb., 1998.
2. Vorkachev S.G. Embodiment of meaning: conceptualiaselecta. Volgograd, 2014. 330 p.
3. Ilyin I.A. Essays: in 2 vol. 2. M. 1993. 485 p.
4. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1961.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2003.
6. Petrukhina E.V. Russian language picture of the world and Orthodox consciousness. Vinograd: Pravoslav. PED. zhurn. 2007. No. 3 (19). P. 6–11.
7. Dictionary of the Russian contemporary literary language: In 17 t. / AN SSSR. M.; L., 1950–1965.
8. Dictionary of the Russian language: in 4 t. / AN SSSR. M., 1981–1984.
9. Soviet encyclopedic dictionary. Editor-in-Chief A.M. Prokhorov. 4th ed. M.: Soviet encyclopedia. 1989.
10. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. M., 1997. 824 p.
11. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 t. D.N. Ushakov. M., 1935–1940.
12. Explanatory dictionary of the Russian contemporary language / G.N. Sklyarevskoy. M. 2001.

About the author

Yemelyanova Olga Nikolaevna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University; e-mail: olniam@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>

УДК 81'42

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА КАК ВИД ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

К.В. Шульгина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. К задачам современной судебной лингвистической экспертизы относится решение вопроса о наличии в тексте негативно-оценочного компонента, характеризующего личность. Кваликативная, «собственно человеческая» [Шмелев, 1981, с. 5], категория оценки, организующая процесс конфликтной коммуникации, проявляется в протоколе допроса на лексическом уровне при пересказе инвективного высказывания допрашиваемым.

В статье впервые рассматриваются вторичные инвективные высказывания как субстанциальные включения в структуру протокола допроса чужой конфликтной речи. Целью создания таких речевых произведений является оценка, детерминирующая негативное отношение субъекта к объекту. Вторичные инвективные высказывания исследуются с точки зрения формально-содержательной организации, а также способов их репрезентации в тексте протокола допроса.

Цель статьи – изучение особенностей репродукции чужой конфликтной речи в протоколе допроса как вторичном речевом жанре.

Материалом исследования послужили протоколы допросов, составленные должностными лицами при проведении предварительного следствия по уголовным делам об оскорблении представителя власти или о неуважении к суду. В качестве *методов* исследования использованы общенаучные методы исследования (наблюдения, сравнения, описания), а также методы семантического, функционального, компонентного и пропозиционального анализа.

Ключевые слова: *протокол допроса, чужая речь, вторичный текст, инвективная лексика, вербальная репродукция, текстовый дериват, речевое событие оскорбления.*

П*остановка проблемы.* Выбор темы исследования обусловлен задачами, стоящими перед исследователем при анализе косвенных источников информации о речевом событии. Одним из таких материальных носителей информации является юридически значимый документ – протокол допроса. Протокол допроса относится к вторичному речевому жанру делового «пространства общения» [Осетрова, 2014, с. 549], так как в нем отражаются ход и результаты речевого события допроса. Н.М. Татарникова в работе «Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи» описывает специфические и общие черты на всех уровнях организации двух названных жанров. Так, исследователь пишет, что «Речевой жанр допроса в рамках речевого события допроса является инициальным жанром. Он детерминирует появление речевого жанра протокола допроса, выступает как его текстовая и содержательная основа, а следовательно, как первичный по отношению к речевому жанру протокола допроса» [Татарникова, 2004, с. 10].

Протокол допроса, несмотря на его прямую, эксплицированную связь с первичным речевым жанром, внутрижанровую квазимонологичность, это все же самостоятельное речевое образование, созданное прежде всего исполнителем юридического документа, а значит, имеющее непосредственного автора. На автора-исполнителя протокола допроса возложена большая ответственность, он – носитель системы правовых взглядов, который, реализуя правовые предписания, должен успешно реализовать оба жанра, то есть грамотно, с позиции правовых норм провести допрос, а также успешно составить протокол допроса, зафиксировав передаваемые участником допроса показания «по возможности дословно» (п. 2 ст. 190 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Часто при расследовании деликтов, проявляющихся в реальной действительности унижением чести и достоинства какого-либо лица, выраженным в неприличной форме, в центральной, описательной, части протокола допроса присутствуют конфликтные высказывания, относящиеся к предмету спора сторон. Данные высказывания имеют особый юридический и лингвистический статус. С одной стороны, это предмет доказывания, фактическое речевое обстоятельство, поддающееся оценке как вещественное доказательство. И с другой – это объект судебной лингвистической экспертизы, представленный в показаниях в виде конфликтной чужой речи наряду с описанием условий, в которых она была реализована.

Объектом исследования стали конфликтные инвективные высказывания, зафиксированные в протоколах допроса в виде чужой речи. *Предметом* анализа послужили формально-содержательная организация этих высказываний как текстовых дериватов, или вторичных текстов, а также способы их репрезентации в тексте протокола.

Смысловую основу чужой речи составляет универсальная бинарная оппозиция «свое / чужое». Н.В. Максимова в качестве ключевого структурного подхода, определяющего совокупность способов передачи чужой речи, видит разную степень «маркированности границ» и разную степень «взаимопроницаемости своего и чужого» [Максимова, 2006, с. 11]. Так, допрашиваемое лицо, руководствуясь своими установками, обращаясь к прошлому, создает репродукцию услышанного, включая в собственную речь чужое монологическое высказывание. Однако, как отмечает И.С. Попова, «даже сохраняя оригинальную речь и повторяя в точности ее содержание и стиль, адресант не может полностью воспроизвести весь контекст речевого акта» [Попова, 2009, с. 66]. Прототекст, или первичный текст, несущий в себе лингвистические признаки оскорбления, принадлежит области объективной действительности, в то время как чужая речь, будь то точное воспроизведение оригинала или же пересказ сказанного с выделением смысловых доминант, имеет субъективное начало, коррелирующее с когнитивными процессами восприятия, понимания, интерпретации услышанного, имеющимися у реципиента лингвистическими компетенциями.

Н.Д. Голев совместно с Н.В. Сайковой в их концепции вторичных текстов уделяют ведущую роль деривационному моменту, под которым авторы понимают

«образование одного текста на базе другого, преобразование (по определенным механизмам) исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста» [Голев, Сайкова, 2001, с. 20]. Разные основания позволяют выделить три классификационных группы вторичных текстов – преобразования на уровне формы (звуко-графические, межсемиотические, межъязыковые метаморфозы), на уровне содержания (по наличию / отсутствию новых содержательных элементов), а также по линии функции (родо-жанровые изменения) [Голев, Сайкова, 2001, с. 22].

Основываясь на дефиниции понятия «вторичный текст», предложенной Н.Д. Голевым и Н.В. Сайковой, в настоящем исследовании под вторичным инвективным высказыванием в ситуации допроса мы понимаем речевое произведение, имеющее текст-основу, содержащее маркированную оценочную лексику и продуцируемое в преобразованном виде автором-ретранслятором.

Интересным представляется тот факт, что специфику вторичного инвективного текста, содержащегося в протоколе допроса, в его соотношении со свойствами первичного текста или текста-основы практически невозможно установить ввиду отсутствия в распоряжении следствия последнего. Конфликтные ситуации редко удается запечатлеть в их аудиовизуальном единстве на какие-либо носители информации ввиду стремительности возникновения и протекания речевой ситуации оскорбления. Таким образом, не представляется возможным наблюдение над деривационными процессами, как и невозможно построить модели вторичного текстообразования, выявить типы искажений и трансформации информации, оценить ее смысловую релевантность, определяемую модусом сознания автора, его интенциями. Кроме того, воспроизводимое в протоколе допроса конфликтное высказывание относится к спонтанной звучащей речи – реконструкция таковой не передает просодических, темпоральных, качественных особенностей речи инвектора – влечет за собой редукцию как материальных, так и функционально-содержательных элементов речи.

С.В. Ионова в качестве функциональных типов вторичных текстов выделяет следующие группы: тексты репродуктивного (изложения, конспекты, рефераты аннотации), интерпретирующего (сценарий, видеоадаптация литературных произведений), адаптирующего типа (научно-популярная статья, комментарий, текстовые версии для детей) и тексты-имитации (тексты-подражания, тексты-пародии) [Ионова, 2006, с. 20]. Рассматриваемые нами вторичные тексты относятся к текстам репродуктивного типа, целью создания которых является «воспроизведение семантической структуры текста-основы с разной степенью развернутости содержания» [Там же]. Структурная и семантическая модель инвективного высказывания, помещенного в протокол допроса, должна априори восприниматься как модель речевого объекта, свойства которого искажены и подвергнуты редукции, но который при этом сохраняет признаки языковой единицы, пригодной для проведения лингвистического исследования.

Результаты исследования. В результате анализа особенностей отраженных в протоколах допроса вторичных инвективных текстов выявлены три основных

способа экспозиции чужой речи, заключающихся в использовании преимущественно лексико-графических маркеров.

Первый способ маркирования вторичного высказывания – это *прямая речь*, сопровождаемая словами автора, то есть пропозициональными предикатами говорения, восприятия, а также предикатами, обозначающими сопутствующие физические и психические реакции автора, которые указывают на сам факт ввода в собственную речь чужих слов. К примерам такого ввода чужого слова из протоколов допроса относятся следующие (приводимые примеры содержат ненормативную лексику, которая в дальнейшем будет обозначена с помощью «графического эвфемизма, основанного на синкопе – замене середины ненормативного слова знаком многоточия» [Шульгина, 2020, с. 11]; также используемые в протоколах допроса антропонимы изменены на вымышленные):

1) «Когда мы подошли к домовладению, вышел Сухин А.Б., я сообщил ему, что будет зафиксирован отказ от подписи протокола, в связи с чем, привлечены свидетели, он по-прежнему вел себя вызывающе, говорил „че ты как дятел одно да потому долбишь”»;

2) «<...> мы его подписали, после чего, когда уже собрались уходить, Сухин А.Б. обращаясь к Иванченко, на его слова „до свидания” сказал дословно „да пошел ты г...ндон штопаный” <...>»;

3) «В результате указанных событий Ершова Л.К. разозлилась и, наклоняясь ко мне ближе через стол, громко сказала: „ты моральный урод”, после чего она вышла из кабинета»;

4) «Я подошел к данному окну и увидел, а также услышал, как Голубев публично, при гражданских людях оскорбляет участкового полиции Антонова М.Б., а именно он кричал: „Да пошел ты подальше, на три советских буквы”, а также стал громко публично на весь холл кричать: „Пошел на х...й п...дор е...ый”».

Гарантирует ли такая форма фиксации вторичного текста сохранение достоверности первичного текста и отсутствие компрессии, свернутости формы и содержания – неизвестно. Недоступность текста-основы не позволяет разрешить этот лингвистический вопрос. Однако денотативная структура высказываний, зафиксированных таким способом, делает возможным анализ предметного содержания. Очевидно, что для конфликтных высказываний, о которых идет речь, актуальной с точки зрения семантической релевантности [Van Dijk, 1979, p. 115] является оценочная информация – аксиологическое содержание в рассматриваемых нами высказываниях сохраняется.

Второй способ введения вторичных конфликтных текстов – это *косвенная речь*, представленная очень кратким пересказом первичного конфликтного высказывания, – в качестве средств репрезентации смыслового содержания первичного текста приоритетен выбор автором языковых единиц, несущих оценочную характеристику инвектума. «Свое» и «чужое» здесь слито воедино и образует, как правило, изъяснительную конструкцию:

1) «Я вышел и сказал в адрес Иванова, что он „Г...дон штопаный”»;

2) «<...> он продолжил на камеру оскорблять меня, а именно сказал, что я „п...дорас” и „ложусь под мужиков” <...>»;

3) «<...> Ушаков начал оскорблять Лыхина, говорил разные слова, в том числе нецензурные, точно назвать затрудняюсь, они были адресованы к событию, высказывал недовольство ситуацией, но помню, сказал, что „пошел г...ндон штопаный” <...>».

Как и в предыдущих примерах, определить степень неточности, развернутости вторичных текстов, оформленных в косвенную речь, невозможно. Однако отсутствие сведений о степени аппроксимации нивелируется сохранением извлеченных из текста-основы слов с оценочной семантикой.

Третий способ включения вторичных высказываний в структуру протокола допроса – это способ, характеризующийся максимальным уровнем компрессии. Вторичный текст представлен в виде *отдельных номинативных единиц*, заключенных в кавычки. Оценочные предикаты, репрезентированные инвективной лексикой, относятся к рематическим элементам содержания – и в данном случае они приводятся автором вторичного текста в качестве ключевых, текстообразующих элементов, которые, согласно экспериментальным исследованиям Л.Н. Мурзина и А.С. Штерна, несут крайне важную смысловую нагрузку [Мурзин, Штерн, 1991, с. 33]. Приведем примеры, соответствующие выделенному нами способу:

1) «В ответ на указанную просьбу парень, продолжая высказываться грубой нецензурной бранью, стал обращаться конкретно к Королеву Б.Р., указывая на него пальцем, оскорблять различными словами, такими как „п...дор конченный”, „мусор”, „козел е...ый”, „сволочь”, „сука”, на что Королев Б.Р. отреагировал спокойно и вновь попросил его успокоиться»;

2) «Романова стала проходить через турникет и стала высказывать в мой адрес слова, унижающие мою честь и достоинство, а именно называла меня „козлом” и „бл...ю е...ой”»;

3) «Алина <...> выражалась в адрес Марьина, оскорбляя его словами „сука”, „лысая скотина”, „лысая тварь”, „г...ндон”, „п...дорас”, „козел”»;

4) «Тишин Т.Р. также сравнивал меня с различными животными (коровой, лошадей), в неприличной форме отзывался о моих умственных способностях, называл женщиной с низкой социальной ответственностью и так же произносил в мой адрес другие нецензурные бранные слова»;

5) «В момент когда судья вышел из зала, Шилов Л.Н. начал выражаться в мой адрес грубой нецензурной бранью, оскорблял меня как сотрудника прокуратуры, при этом назвав меня „толстым гомосексуалистом”».

Данный способ представления информации, несмотря на ее максимальную компрессию, и есть представление «смыслового кода» высказывания. Наличие ключевых слов позволяет определять смысловые доминанты высказываний, которые, в свою очередь, помогают оценить интенцию автора первичного текста.

Выделенным трем типам передачи чужой речи в протоколе допроса с точки зрения их содержания в целом присуща общая семантическая компонента – реципиенты передают смысл услышанного с помощью имен, негативно характери-

зующих денотат – личность. Определяющие личность языковые средства представлены посредством отдельных номинаций, дескрипций, субстантивных словосочетаний, где носителями общенности являются имя существительное наряду с прилагательным (N общц. Adj общц.).

Выводы. Подводя итог рассмотрению чужой инвективной речи в протоколе допроса как вторичного текста, необходимо отметить существование, наряду с разными способами введения чужой речи, устойчивой формально-содержательной организации таких текстов, заключающейся в отражении негативно-оценочных квалификативов в качестве ключевых слов или семантического кода первичного конфликтного высказывания.

Чужие высказывания занимают свое место в коммуникативном пространстве протокола допроса: у них есть автор, преобразованное смысловое содержание и структура. Вторичные текстовые репрезентации являются лишь лингвокогнитивными симулякрами, приближенными допрашиваемым к тексту-оригиналу. Воспроизведение реципиентом ключевых слов, составляющих первичный инвективный текст, дает возможность оценить интенции автора текста-оригинала.

Библиографический список

1. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 2001. С. 20–27.
2. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 37 с.
3. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 41 с.
4. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
5. Осетрова Е.В. Речевые сферы / под ред. А.П. Сковородникова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск, 2014. С. 549–550.
6. Попова И.С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопожарожденной речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893572> (дата обращения: 25.10.2020).
7. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи: На примере жанров допроса и протокола допроса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.
8. Шмелев А.Д. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 43–51.
9. Шульгина К.В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса // Юрислингвистика. 2020. № 17 (28). С. 8–11. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
10. Dijk T.A. van. Relevance Assignment in Discourse Comprehension // Discourse processes. 1979. № 2. P. 113–126. URL: [http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance %20assignment %20in %20discourse %20comprehension.pdf](http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance%20assignment%20in%20discourse%20comprehension.pdf) (дата обращения: 29.10.2020).

Сведения об авторе

Шульгина Кристина Витальевна – аспирант кафедры русского языка и методики филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>

SOMEONE ELSE'S SPEECH IN THE INTERROGATION PROTOCOL AS A TYPE OF A SECONDARY TEXT

K.V. Shulgina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The tasks of modern forensic linguistic expertise include solving the question of whether the text contains a negative evaluation component that characterizes a person. The qualificative, “properly human” [Shmelev, 1981, p. 5] category of assessment, which organizes the process of conflict communication, is manifested in the interrogation protocol at the lexical level within the framework of an invective utterance.

For the first time, the article considers secondary invective statements as substantial inclusions in the structure of the interrogation protocol of someone else's conflict speech. The purpose of creating such speech utterances is assessment which determines the negative attitude of the subject to the object. Secondary invective statements are examined from the point of view of their formal content structure, as well as ways of their representation in the text of the interrogation protocol.

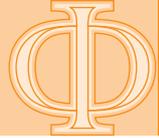
The purpose of the article is to study the features of reproduction of someone else's conflict speech in the interrogation protocol as a secondary speech genre.

The material of the study was the interrogation protocols compiled by officials during the preliminary investigation of criminal cases about insulting a representative of the authorities or contempt of court. The research methods used are general scientific research methods (observations, comparisons, descriptions), as well as methods of semantic, functional, component and propositional analysis.

Keywords: *interrogation protocol, someone else's speech, secondary text, verbal reproduction, text derivative, speech event of an insult.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Golev N.D., Saykova N.V. Izlozhenie, parodiya, perevod... K osnovaniyam derivatsionnoy interpretatsii vtorichnykh tekstov [Presentation, parody, translation... To the basics of derivational interpretation of secondary texts] // Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. 2001. P. 20–27.
2. Ionova S.V. Approksimatsiya soderzhaniya vtorichnykh tekstov [Approximation of the content of secondary texts]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2006. 37 p.
3. Maksimova N.V. „Chuzhaya rech'” kak kommunikativnaya strategiya [“Another's speech” as a communication strategy]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 41 p.
4. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vospriyatie [Text and its perception]. Sverdlovsk, 1991. 172 p.
5. Osetrova E.V. Rechevye sfery / pod red. A.P. Skovorodnikova // Effektivnoe rechevye obshchenie (bazovye kompetentsii) [Effective verbal communication (basic competencies)]. Krasnoyarsk, 2014. P. 549–550.
6. Popova I.S. Pryamaya rech' i tsitirovanie kak sposoby peredachi chuzhogo slova v ustnoporozhdaemoy rechi [Direct speech and citation as ways of transmitting someone else's word in spoken speech] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 3. P. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893572> (data obrashcheniya: 25.10.2020).
7. Tatarnikova N.M. Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile rechi: Na primere zhanrov doprosa i protokola doprosa [Coordination of primary and secondary speech genres in the official-business style of speech: On the example of interrogation genres and interrogation protocol]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2004. 23 p.

8. Shmelev A.D. O granitsakh i sodержanii pragmatiki [On the boundaries and content of pragmatics] // Izv. AN SSSR. Ser. lit-ry i yaz. 1981. T. 40, № 4. P. 43–51.
9. Shul'gina K.V. Sposoby i problemy fiksatsii nenormativnoy leksiki v protokole doprosa [Issues and ways of recording obscenities in transcript of interrogation] // Yurislingvistika. 2020. № 17 (28). P. 8–11. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
10. Dijk T.A. van. Relevance Assignment in Discourse Comprehension // Discourse processes. 1979. № 2. P. 113–126. URL: [http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance %20assignment %20in %20discourse %20comprehension.pdf](http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance%20assignment%20in%20discourse%20comprehension.pdf) (data obrashcheniya: 29.10.2020).

About the author

Shulgina Kristina Vitalievna – PhD Student, Department of Russian Language and Methods, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: watermark2@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-61>

УДК 81'23

ХАРАКТЕРИСТИКА «ИНСТАГРАМА» ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ш. Асрори (Красноярск, Россия)

Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Социальные сети развивают функцию массового информирования населения, становясь своеобразными «народными» медиа, берут на себя ведущую роль в осведомлении интернет-пользователей. Это определяет постановку проблемы в границах предпринятого анализа, *цель* которого – выяснить представление интернет-пользователей об одной из самых популярных социальных сетей «Инстаграм» (Instagram) по данным лингвистического эксперимента. Научную базу исследования формируют работы, посвященные профессионально-этическим нормам в современных медиа, а также лингвистические труды, развивающие методологию ассоциативного эксперимента. Материалом исследования послужили результаты цепочечного ассоциативного эксперимента (сентябрь 2020 г., Красноярск, респонденты – пользователи «Инстаграма» 20–45 лет). В результате выявленные реакции фиксируют отношение интернет-пользователей к данной социальной сети как к *средству массовой информации*. Данные реакции характеризуют «Инстаграм» в трех аспектах: параметры его связи с массовой аудиторией (*доступность, доверие, недостоверность*); формально языковые качества контента (*сленг, жаргон, безграмотность*); его содержание, касающееся основных аспектов существования человека – физического, душевного и социального.

Итоговый *вывод* и *авторский вклад* в исследование новейших языковых концептов определены следующим. Специфика субъективного отношения к данной социальной сети выражена в обобщающей ассоциации *эмоциональность*, которая детализирована большим количеством оценочных реакций, противоположных по знаку. *Жестокость / агрессия* как квалифицирующие характеристики контента «Инстаграма» в совокупности с его формальными языковыми признаками – *безграмотностью, нецензурной лексикой, сленгом и жаргоном* – явно отрицательны. Одновременно в сознании интернет-пользователей «Инстаграм» – это средство массовой информации, предоставляющее самую разнообразную содержательную информацию, вызывающее естественный *интерес* пользователей. С этим связано то, что названные отрицательные характеристики компенсированы большим количеством положительных реакций: более 50 % из них имеют положительную оценку в структуре значения (от *доступности* до *красоты* и *культуры*).

Ключевые слова: «Инстаграм» (Instagram), средства массовой информации, ассоциативный эксперимент, социальная сеть, стимул, реакция, этическая норма.

Постановка проблемы. В современном мире информационно-коммуникативное пространство и его структура претерпевают кардинальные изменения. Традиционные средства массовой информации – массовая печать, радио, телевидение – вытесняются на периферию этого пространства, сталкиваясь

с мощной конкуренцией нового медиа XXI в. – социальными сетями. Теле- и радиоканалы, газеты и журналы пытаются обновить собственную адресную аудиторию, создавая собственные интернет-сайты и аккаунты, телеграм-каналы и подкасты, однако это не спасает их от потери массовой аудитории.

Социальная сеть, по определению информационного сервиса Яндекс.Кью, – платформа, онлайн-сервис или веб-сайт:

- предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете;
- дающие возможность организовать виртуальные площадки, объединяющие людей по интересам¹.

Сегодня социальные сети, кроме вышеупомянутых функций, развивают функцию массового информирования населения, становясь своеобразными «народными» медиа, берут на себя ведущую роль в осведомлении интернет-пользователей.

В ряду социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники», а также Facebook («Фейсбук»), YouTube («Ютьюб» / «Ютуб») и др. свое прочное место занимает Instagram («Инстаграм»). Особенностью данной соцсети является доминирование на страницах пользователей визуализированного контента: фотографий, видеороликов, рисунков, – активно совмещаемого с текстовыми комментариями. Именно поэтому некоторые называют Instagram приложением с элементами социальной сети.

Доверие к названной социальной сети, как, впрочем, и к социальным сетям в целом, в современном мире очень велико. Молодые люди 18–35 лет получают интересующую их социальную информацию из Интернета или от своего ближайшего окружения, фактически игнорируя телевидение и печатные СМИ. Для рядовых обитателей интернет-пространства кажется быстрее, проще и привычнее, не обращаясь к «официальным источникам», познакомиться с проиллюстрированной новостью и / или мнением-комментарием по ее поводу на странице своей группы или, например, на странице Instagram-блогера. «Звездный» пользователь приобретает в этом отношении иерархический статус «высшей инстанции», ролевой статус эксперта, а вся прочая публика – возможность делиться информацией и чувствовать себя активными коммуникантами, вообще социальными субъектами.

Все вышесказанное определяет актуальность предпринятого исследования, *цель* которого – выяснить представление об Instagram у интернет-пользователей по данным лингвистического эксперимента.

Такая постановка цели, в свою очередь, связывает ее с проблемой профессиональной нормы в пространстве современных медиа и заставляет формировать *научную базу исследования* на основе работ, посвященных нравственно-этическим нормам в современных медиа.

¹ Информационный сервис «Яндекс.Кью». URL: https://yandex.ru/q/question/society/что_такое_социальные_сети_ff55ef70/?utm_source=yandex&utm_medium=wizard&answer_id=02f210f0-b48d-4cca-97a6-b0468a6d77c5#02f210f0-b48d-4cca-97a6-b0468a6d77c5 (дата обращения: 13.11.2020).

Со ссылкой на толкование этики современными лексикографами, она понимается как философское учение о морали, ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе, а кроме того, как совокупность норм поведения какой-либо общественной группы².

Одной из таких групп, безусловно, является медиасообщество и его субъекты: репортеры, журналисты, публицисты, аналитики, редакторы, эксперты и т.д.

Нормы профессиональной этики журналиста описывались в трудах Г.В. Лазутиной, О.И. Мамонтовой, Ю.В. Согомонова, В.М. Хруля и мн. др.

В частности, Е.Л. Вартанова отмечает, что одной из самых сложных проблем современной журналистики является профессиональная этика. Практика подтверждает, что формирование единых стандартов профессии возможно в тех профессиональных сообществах, где существуют взаимопонимание и взаимное уважение. Поэтому все чаще приходится задумываться о журналистской этике не только как о профессиональной проблеме, но и как о проблеме ценностей общества, понимания им базовых демократических и гуманистических основ социума [Вартанова, 2019].

С проблемой этической нормы соположена проблема нормы информационной, определяемой как адекватное, всестороннее и полное отражение действительности, всех ее фрагментов. При этом одной из важнейших характеристик медийной информации исследователи называют ее достоверность, увязывая последнюю с языковыми категориями авторизации, персуазивности, определенности / неопределенности, значениями уверенности / неуверенности.

Если следовать узаконенным правилам, а также профессиональным и этическим нормам журналистики, нельзя публиковать ложную, непроверенную, недостоверную информацию. Привычная же практика медиасубъектов «с низкой социальной ответственностью» такова, что недостоверность информации приобретает в зоне их влияния вид «дезинформационной универсалии» [Осетрова, 2006, с. 432–433].

В среде интернет-медиа принятые традиционной журналистикой этика и правила трансляции информации быстро размываются, а в некоторых случаях и вовсе отсутствуют [Морозова, 2016]. Автор транслирует информацию самостоятельно, часто чувствуя себя совершенно свободным от «навязываемой» обществом нравственности – вплоть до откровенного эпатажа традиционных морально-этических норм.

В результате автор публикации несет большую ответственность за предоставляемую информацию, степень ее достоверности и публикационную приемлемость. Одновременно с этим пользователь социальной сети как адресат этой публикации также обременен ответственностью за принятие / непринятие новостного контента. Поскольку к данному решению человек приходит самостоятельно, он должен критично оценивать объективность автора публикации и независимость источника (канала) в целом.

² Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН; Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. С. 1129.

Иными словами, в контексте социальной сети как медиа-источника ответственность за достоверность информации лежит как на создателе интернет-контента, так и на его потребителе [Жолудь, 2012].

Для нас принципиально отметить связь достоверности информации с еще одним феноменом – **доверием** к информационному каналу (источнику), по которому она распространяется (из которого исходит). Такой канал имеет признаки доступности, простоты и оперативного доступа, особой активности речедеятеля в процессе функционирования. Традиционным каналом в этом отношении является канал слухов [Осетрова, 2015; Osetrova, 2003]. Новым же «доверительным» каналом следует признать социальные сети с многомиллионной молодой аудиторией, считающей их «своей» новостной и в общем глобальной жизненной базой: она обеспечивает существование и работу, ориентирует в мире информации, формирует систему ценностей. Сомнения в достоверности той или иной новости, конечно, могут возникать у пользователя и в этом случае, но они направлены не на социальную сеть в целом, а на содержательную составляющую конкретного текста.

Отойдя теперь от общей проблемы информационной достоверности и ее искажений, сосредоточимся далее на одном конкретном вопросе – обсуждении содержательных характеристик, которые формируют отношение интернет-пользователей к социальной сети Instagram.

В качестве *метода* достижения этой цели использован ассоциативный эксперимент, популярный в современных лингвистических исследованиях психолингвистической, социолингвистической, лингвокультурологической и когнитивной направленности (см., например [Васильева и др., 2017]). Он используется как исследовательский инструмент в границах различных теорий организации лексикона, заложенных трудами А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой, их предшественников и последователей (см., в частности [Залевская, 2005, с. 133–186; Караулов, 2007, с. 237–245; Уфимцева, 2003, с. 102–111]).

Ассоциативный эксперимент можно считать специфической (опосредованной) формой опроса, заключающегося в целенаправленном обращении к определенной аудитории с целью выяснения мнения и взглядов разных слоев населения. При этом на содержание и качество полученной информации влияют множество факторов: личностные качества респондентов, их пол, возраст, социальный статус, сфера деятельности и т.д.

Функциональная ценность данного метода, по Н.В. Уфимцевой, состоит в том, что полученные языковые реакции дают возможность реконструировать ассоциативные поля и сети, которые, в свою очередь, помогают выявлять ключевые образы и знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений [Уфимцева, 2003]. К типам ассоциативного эксперимента относят свободный [Горошко, 2001], направленный и цепочечный (цепной); в последнем случае испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями [Выговская, 2014, с. 1159].

Материалом исследования в данном случае послужили результаты цепочечного ассоциативного эксперимента, проведенного авторами статьи в сентябре 2020 г. в городе Красноярске. В роли респондентов выступили 40 пользователей социальной сети Instagram в возрасте от 20 до 45 лет, входящих в социально активную возрастную группу.

Отметим и тот факт, что все респонденты являются работниками бюджетной сферы, а именно педагогами дошкольного образования. В числе опрошенных 37 женщин и трое мужчин; 42 % из них имеют высшее образование, 14 % – незаконченное высшее, 44 % – среднее специальное образование.

Совокупность перечисленных характеристик респондентов заставляет говорить о них как о субъектах, обладающих в ментальном отношении более или менее высокой степенью критичности и объективности. Это, в свою очередь, позволяет надеяться на содержательную емкость полученных результатов.

Каждому из респондентов было предложено в течение одной минуты дать ассоциативные языковые реакции, которые возникнут у него на определенное слово-стимул. В данном случае им послужило слово «*Инстаграм*».

Результаты ассоциативного эксперимента отражены в таблице, включающей колонки «Характеристика» и «Количество повторных реакций», первая из которых демонстрирует лексемы-реакции, данные респондентами на исходный стимул «*Инстаграм*» (*Instagram*), а вторая – количество повторений конкретной лексемы-реакции в ответах опрашиваемых.

Данные ассоциативного эксперимента: стимул «*Инстаграм*»

Data of the associative experiment: stimulus “*Instagram*”

№	Характеристика	Количество повторных реакций
1	Средство массовой информации	28
2	Доступность	14
3	Интерес	12
4	Недостоверность	10
5	Хорошее настроение	10
6	Доверие	9
7	Реклама, много рекламы	8
8	Эмоциональность	7
9	Безграмотность	7
10	Нецензурная лексика, сленг, жаргон	7
11	Мода	6
12	Жестокость, агрессия	4
13	Бизнес	4
14	Образование	3
15	Мировоззрение	2
16	Культура	1
17	Красота	1
18	Здоровье	1
19	Досуг	1

Лингвистическая интерпретация полученных результатов сведена к следующему.

В совокупности от 40 респондентов получено 135 реакций; количественный диапазон упоминания одной ассоциации составляет от 28 до 1 случая; грамматический (морфологический) статус лексем-ассоциаций – существительные (как вариант – словосочетание с существительным: *хорошее настроение, нецензурная лексика, много рекламы*).

В ядро ассоциативного поля «*Инстаграм*» входит ассоциация – *средство массовой информации* (28 реакций). Она лидер и в абсолютном и в относительном выражении, поскольку названа 70 % опрошенных респондентов. Можно предположить, что в языковом сознании данная социальная сеть входит в один ряд с традиционными средствами массовой информации: радио, телевидением и периодической печатью. К тому же для исследуемой возрастной группы «*Инстаграм*» / *Instagram* как информационный источник, вероятно, оказывается в приоритете.

Околоядерную зону ассоциативного поля определяют значения четырех лексем – *доступность* (14 реакций), *интерес* (12 реакций), *недоверность* (10 реакций) и *хорошее настроение* (10 реакций).

Другие 14 реакций, каждая из которых была выведена как ассоциативная менее 10 раз, отнесены к периферии ассоциативного поля ключевого слова-стимула.

Что касается содержательного анализа полученных *результатов*, очевидно разделение их на три блока.

1. Первая группа ассоциаций связана с оценкой «*Инстаграма*» как **информационного канала** (массмедиа) со стороны пользователя. Степень *доступности* (14 реакций), а также противоположные по знаку *доверие* (9 реакций) – *недоверность* (10 реакций) оказываются типичными параметрами, которые пользователь определяет, когда решает, пользоваться или не пользоваться конкретным источником. (Заметим в скобках, что в границах типологии Ю.Н. Караулова данные реакции следует отнести к прагматическому типу связей [Караулов, 2007, с. 238].)

Наличие большого количества *рекламы* (8 реакций) мы также относим к данной группе, описывающей характеристики «внешнего» взаимодействия между медиасубъектом (в данном случае «*Инстаграм*») и субъектом-адресатом (в данном случае пользователем социальной сети).

Реконструировать характер данного взаимодействия в целом можно было бы следующим образом: «*Инстаграм*» как медиа-источник и средство массовой информации доступен и в целом вызывает доверие, однако конкретная информация, располагаемая там, бывает недоверной, неизбежно сопровождаясь большим количеством рекламы?»

2. Другая группа ассоциаций ориентирует уже в отношении качества самой **информации**, предоставляемой источниками «*Инстаграма*» – ее **формальных** характеристик. Как значимые респонденты выделяют в этом ряду *безграмотность, нецензурную лексику, сленг и жаргон* (14 реакций в совокупности). Все они связаны с языковыми признаками контента «*Инстаграма*» и определенно оцениваются отрицательно.

3. Наконец, выделяется блок языковых реакций, отсылающий к самому **содержанию информации**: 1) *мода, красота, здоровье* (8 совокупных реакций); 2) *образование, мировоззрение, культура, досуг* (7 совокупных реакций); 3) *бизнес* (4 реакции). Как видно, содержание «Инстаграм»-медиа кажется опрашиваемой группе респондентов достаточно разнообразным, посвященным телесной, душевной и финансовой сторонам существования человека (тематико-ситуативный тип ассоциативных связей, по Ю.Н. Караулову [Караулов, 2007, с. 238]).

Качественно противоположными характеристиками являются здесь параметры *хорошее настроение* (10 реакций), *интерес* (12 реакций) и – *жестокость / агрессия* (4 реакции), отсылающие именно к содержанию предлагаемой социальной сетью информации и квалифицируемые как противоположные с позиций субъективной оценки (оценочный тип ассоциативных связей [Караулов, 2007, с. 238]).

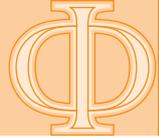
Подводя итоги проведенного анализа, мы пришли к *выводу*, что социальная сеть характеризуется пользователями как выделенное *средство массовой информации*. Как всякое медиа «Инстаграм» насыщен *рекламой*, *доступен* и в целом вызывает *доверие*, однако информация, располагаемая там, бывает *недостоверной*. Содержание соответствующей информации кажется достаточно разнообразным – охватывает телесный, душевный и финансовый аспекты существования человека, – вызывая поэтому естественный *интерес* пользователей.

Специфика субъективного отношения к данной социальной сети выражена в обобщающей ассоциации *эмоциональность*, которая детализирована большим количеством оценочных реакций, противоположных по знаку.

Жестокость / агрессия как квалифицирующие характеристики контента «Инстаграма» в совокупности с его формальными языковыми признаками – *безграмотностью, нецензурной лексикой, сленгом и жаргоном* – не могут быть оценены положительно. Одновременно в сознании интернет-пользователей «Инстаграм» – средство массовой информации, предоставляющее самую разнообразную содержательную информацию, – охватывает телесный, душевный и финансовый аспекты существования человека, – вызывая поэтому естественный *интерес* пользователей.

С этим коррелирует тот факт, что названные отрицательные характеристики компенсированы большим количеством положительных реакций: более 50 % из них имеют сему ‘хорошее’ в структуре значения (от *доступности* до *красоты* и *культуры*).

Все сказанное в конечном счете связано с проблемой нравственно-этических норм и профессиональной этики, которая должна быть решена не только в отношении традиционных, но и новейших медиа, одним из которых являются социальные сети. Морально-этические нормы – это фактор формирования общих ценностей социума, его демократических и гуманистических основ, так необходимых современному обществу.

Библиографический список

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о важности теоретического осмысления профессиональной этики журналиста // Медиа альманах. 2019. № 6 (95). С. 8–13.
2. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Шибяев М.В. Жизненные ценности студентов и преподавателей: лингвоаксиологическое исследование // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2017. № 3 (41). С. 137–149; URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2017/10/25/ef0ad2fe567ca3fa2216ea0fe5aba8d8/vasilieva-vasiliev-mamaeva-shibaev13317.pdf> (дата обращения: 17.11.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13>
3. Выговская Д.Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике // Наука Южноуральского государственного университета: материалы 66-й научной конференции, 15–17 апреля 2014 г. Челябинск: Издат. центр Южноуральского государственного университета, 2014. С. 1157–1164.
4. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: Издат. группа «РА – Каравелла», 2001. 320 с.
5. Жолудь Р.В. Профессиональная этика журналиста в социальных медиа: новые вызовы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 167–171.
6. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 263 с.
8. Морозова А.А. Информационный контент социальных сетей в контексте морально-этических норм: мнение аудитории // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск, 2016. № 1 (18). С. 60–72.
9. Осетрова Е.В. Недостоверная информация в СМИ: соотношение информационной нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня: сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. Вып. 4. С. 432–444.
10. Осетрова Е.В. Парадокс слухов: доверие vs. недостоверность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 4. С. 131–135; URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2018/06/14/feaa31d5ce3cedbdd0a22b81ff6b0277/nauchnyj-zhurnal-vestnik-kgpu-im-vp-astafeva-2015-4-34.pdf> (дата обращения: 17.11.2020).
11. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.
12. Osetrova E.V. Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2013. Vol. 6, is. 9. P. 1265–1280. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9945/03_Osetrova.pdf;jsessionid=9D6522C79A686C3BF99B867C108C7564?sequence=1 (дата обращения: 17.11.2020).

Сведения об авторах

Асрори Шахноза – магистрант филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: shahnoza.asrori@yandex.ru

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-61>

CHARACTERISTIC OF *INSTAGRAM* ACCORDING TO THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT: EXPERIENCE OF INTERPRETATION

Sh. Asrori (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Social networks are developing the function of mass informing the population, becoming a kind of “people’s” media, taking a leading role in informing Internet users. This defines *the statement of the problem* within the boundaries of the analysis undertaken, *the purpose* of which is to find out the content of the attitude towards Instagram – one of the most popular social networks. The scientific basis of the research is formed by works devoted to professional and ethical standards in modern media and social networks, as well as linguistic works developing the methodology of the associative experiment. The research material was the results of a chain associative experiment (September 2020, Krasnoyarsk; respondents were Instagram users, aged 20 to 45). As a result, the characteristics of the Instagram social network were obtained and interpreted according to the data of the linguistic associative experiment. The received reactions record the attitude of Internet users to this social network as to *mass media*. These reactions characterize *Instagram* in three aspects: parameters of its connection with the mass audience (*accessibility, trust, unreliability*); formally linguistic qualities of content (*slang, jargon, illiteracy*); its content concerning the main aspects of human being – physical, mental and social.

The final *conclusions* are determined as follows. The specificity of the subjective attitude towards this social network is a large number of evaluative reactions that are opposite in sign. *Cruelty / aggression* as qualifying characteristics of Instagram content, together with its formal language features – *illiteracy, profanity, slang and jargon* – are clearly negative. At the same time, in the group consciousness, Instagram is a mass media that provides a wide variety of meaningful information, causing the natural interest of users. This is related to the fact that the negative characteristics are compensated by a large number of positive reactions: more than 50 % of them have a positive assessment (from *accessibility to beauty and culture*).

Keywords: *Instagram, mass media, associative experiment, social network, stimulus, reaction, ethical norm.*

References

1. Vartanova E.L. K voprosu o vazhnosti teoreticheskogo osmysleniia professional'noi etiki zhurnalista // Media al'manakh [On the importance of a theoretical understanding of the professional ethics of a journalist, In Media almanac]. 2019. № 6 (95). P. 8–13.
2. Vasil'eva S.P., Vasil'ev A.D., Mamaeva T.V., Shibaev M.V. Zhiznennye tsennosti studentov i prepodavatelei: lingvoaksiologicheskoe issledovanie // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva [Life values of students and teachers: linguoaxiological research, In Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev]. 2017. № 3 (41). P. 137–149. Available at: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2017/10/25/ef0ad2fe567ca3fa2216ea0fe5a6a8d8/vasilieva-vasiliev-mamaeva-shibaev13317.pdf> (accessed 17 November 2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-13>

3. Vygovskaia D.G. Assotsiativnyi eksperiment kak odin iz metodov v psikholingvistike // Nauka Iuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta: materialy 66-i nauchnoi konferentsii, 15–17 apreliia 2014 goda [In Science of the South Ural State University. Proceedings of the 66th Scientific Conference, April 15–17]. Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr Iuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. P. 1157–1164.
4. Goroshko E.I. Integrativnaia model' svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta [An integrative model of a free associative experiment]. Khar'kov; M., Izdatel'skaia grupa "RA – Karavella", 2001. 320 p.
5. Zholud' R.V. Professional'naia etika zhurnalista v sotsial'nykh media: novye vyzovy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Professional ethics of a journalist in social media: new challenges. In Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism]. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2012. № 1. P. 167–171.
6. Zalevskaia A.A. Psikholingvisticheskie issledovaniia: Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy [Psycholinguistic Research: Word. Text: Selected Works]. M.: Gnozis, 2005. 543 p.
7. Karaulov Iu.N. Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 263 p.
8. Morozova A.A. Informatsionnyi kontent sotsial'nykh setei v kontekste moral'no-eticheskikh norm: mnenie auditoria // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia [Information content of social networks in the context of moral and ethical norms: the opinion of the audience In Sign: the problem field of media education]. Cheliabinsk, 2016. № 1 (18). P. 60–72.
9. Osetrova E.V. Nedostovernaiia informatsiia v SMI: sootnoshenie informatsionnoi normy i zhurnalistikogo uzusa // Russkii iazyk segodnia: Sbornik nauchnykh statei [Unreliable information in the media: the ratio of information norms and journalistic usus In Russian language today: Collection of scientific articles]. M.: Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov. 2006. Vyp. 4. P. 432–444.
10. Osetrova E.V. Rumours as a Subject of Scientific Analysis: Social Psychology, History, Philology, In Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (9). P. 1265–1280. Available at: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/9945/03_Osetrova.pdf;jsessionid=9D6522C79A686C3BF99B867C108C7564?sequence=1 (accessed 17 November 2020).
11. Osetrova E.V. Paradoks slukhov: doverie vs. nedostovernost' // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.P. Astaf'eva [The rumor paradox: trust vs. unreliability In Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev]. 2015. № 4. P. 131–135. Available at: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2018/06/14/feaa31d5ce3cedbdd0a22b81ff6b0277/nauchnyij-zhurnal-vestnik-kgpu-im-vp-astafeva-2015-4-34.pdf> (accessed 17 November 2020).
12. Ufimtseva N.V. Iazykovoe soznanie kak otrazhenie etnokul'turnoi real'nosti // Questions of psycholinguistics [Language consciousness as a reflection of ethnocultural reality In Voprosy psikholingvistiki]. 2003. № 1. P. 102–111.

About the authors

Asrori Shakhnoza – master's student of the Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: shahnoza.asrori@yandex.ru

Osetrova Elena Valerievna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Modern Russian Language and Methodology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: osetrova@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-62>

УДК 81'23

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Т.В. Мамаева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается образ женщины в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири, выявляются специфические черты регионального языкового сознания. Источником исследования послужили данные Ассоциативного словаря Приенисейской Сибири (от стимула к реакции). Анализ данных словаря позволяет выявить основные черты исследуемого образа в языковом сознании сибиряков, что и является объектом нашего исследования.

Цель данной работы – выявление психолингвистического восприятия образа женщины жителями Приенисейской Сибири.

Методы исследования. Для выявления ценностных смыслов образа женщины осуществляем исследование путем анализа представленных в словаре ассоциаций от стимула к реакции, что позволяет показать общие представления о женщине как культурном стереотипе.

Результаты исследования. В результате анализа мы пришли к следующему выводу: образ женщины в региональном сибирском сознании ассоциируется с мамой, красотой, роковым влечением, независимым характером, грацией, любовью. Основная роль женщины, по мнению представителей Красноярского края, – быть матерью, мамой, женой, любимой, бабушкой, бабой, проявляющей в соответствующих ситуациях как женские, так и мужские качества.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ценность, ассоциативный словарь, Приенисейская Сибирь.

Постановка проблемы. Современная женщина сегодня рассматривается не только в качестве домохозяйки, верной жены и хорошей матери. Карьерный рост, устойчивый социальный статус, финансовая независимость давно стали приоритетными. Учитывая тот факт, что ценностный аспект языковой личности связан с уровнем зрелости того или иного человеческого сообщества, социальная норма является частью ценностной картины мира, а значит, ценности выступают определяющим фактором при образовании системы социальных норм.

Обзор научной литературы. По мнению Е.Ф. Тарасова, «материалом для вскрытия содержания общечеловеческих ценностей в конкретной этнической культуре служат: тексты, описывающие этические предписания от имени социума (статьи в научных энциклопедиях и трудах аксиологов); экспериментальные данные, в которых в ходе психолингвистических экспериментов описывается общественное быденное сознание профанных носителей культуры (ассоциативные поля, семантические пространства, семантические категории-факторы, различные графики и профили, представляющие результаты психосемантического эксперимента и т.п.)» [Тарасов, 2012, с. 13].

«Изучение языкового сознания методом ассоциативного эксперимента привлекает своей возможностью воссоздания образа мира через различные формы его „овнешнения”. Путем анализа ассоциативных полей „от стимула к реакции” можно получить ассоциативный портрет испытуемых, выявить общие и специфические черты образа (картины) мира русских в зависимости от возраста, пола, территории проживания» [Васильева и др., 2017, с. 12]. Н.В. Уфимцева отмечает также, что «Ассоциативное поле, как результат ассоциативного эксперимента, является фрагментом вербальной памяти человека, отраженного в сознании среднего носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 1996, с. 153].

Образ женщины не раз становился объектом психолингвистического исследования: концепт «женщина» в русском языковом сознании рассматривался Л.В. Адониной [Адолина, 2007]; лексикографическую и психолингвистическую репрезентацию образа женщины в русской, хакасской и английской культурах представили Т.Г. Боргоякова и К.А. Покоякова [Боргоякова, Покоякова, 2012]; ценностный потенциал оппозиции «мужчина / женщина» изучала Е.В. Устьянцева [Устьянцева, 2017] и многие другие.

Цель данной работы – выявление психолингвистического восприятия женщины жителями Приенисейской Сибири.

Методы исследования. Для выявления ценностных смыслов образа женщины осуществляем исследование путем анализа представленных в словаре ассоциаций от стимула к реакции, что позволяет показать общие представления о женщине как культурном стереотипе.

Результаты исследования. Рассмотрим представление о женщине в языковой картине мира енисейских сибиряков. Ассоциативное поле «Женщина» включает 70 реакций. Ядерная зона представлена реакциями с частотой от 11 до 4 и включает следующие лексемы: *мать* 11, *красивая* 6, *мужчина* 4. Как видим, доминирующей здесь является реакция «мать», то есть для большинства респондентов образ женщины связан с самым родным человеком, мамой. Отметим, что на стимул «Мама» было дано всего 2 реакции «Женщина». Оставшиеся реакции *красивая* и *мужчина* указывают на женскую красоту и «парность» женщины. Обратившись к стимулу «Мужчина» отмечаем самое большое количество данных реакций – *женщина* 17, что еще раз подчеркивает важность существования в паре в сибирском образе мира.

В формировании представления о ментальности, о жизненных идеалах немаловажную роль представляет зона окооядерная. Здесь встречаем такие реакции: *кошка* 3, *вамп* 3, *любимая* 2. Зона небольшая по количеству данных реакций, но интересная с точки зрения содержания. Реакция *кошка* может говорить о разных представлениях: женской грации, известном психотипе *женщина-кошка*, представляющем красивую, свободолюбивую, самостоятельную и притягательную для мужчин даму, некоторых качествах женской природы и под. Выражение «*кошка, которая гуляет сама по себе*», вошедшее в оборот из одноименной сказки

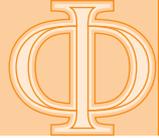
Р. Киплинга, всегда относится к женщине, и такой образ полностью вбирает значение фразеологизма. Реакция *вамп* показывает распространенный в литературе и кино образ сексапильной женщины, женщины роковой, которая манипулирует мужчинами посредством флирта, влечет мужчин помимо воли. Отчасти реакции *кошка* и *вамп* пересекаются, образуют сложный образ самодостаточной женщины, сугубо своевольной, красивой, часто получающей все, что ей нужно, посредством мужчин. Реакция *любимая* говорит сама за себя – жители Приенисейской Сибири вкладывают любовь к женщине в ее образ.

Периферийная зона слова-стимула «Женщина» включает 41 лексему с частотой 1, среди которых: *в белом, бледность, деньги, молодая, коварная, ребенок, полигамность, лгать, Настя, обман, измена, уют, красивое, мечты, незыблемое, бизнес-леди, жена, мужественный, бабушка, любима, любовь, в черном, лучшая, прекрасна, мама, большая, возраст, не очень, баба, знаменитая, Ева, свободная, обаятельная, в шляпе, сильная, пожилая, Родина* и др.

Сибирское языковое сознание периферийной зоны включает как положительные, так и отрицательные реакции, указывающие: на возраст – *молодая, возраст, пожилая*; внешность – *бледность, прекрасна, не очень, баба, обаятельная, большая, красивое*; физические и моральные качества женщины – *коварная, ребенок, лгать, обман, измена, мужественный, свободная, сильная*; литературный образ, образ искусства – *в белом* (роман писателя Уилки Коллинза «Женщина в белом»), *в черном* (роман английской писательницы Сьюзен Хилл «Женщина в черном», по которому был снят мистический фильм ужасов), *в шляпе* (картина А. Матисса «Женщина в шляпе»); социальную роль / статус – *мама, бабушка, жена, бизнес-леди / знаменитая*; отношение женщины / к женщине – *любовь, любима, Родина, деньги, за товар*; реакции-имена – *Настя, Ева*; свойство / состояние / способность: *незыблемое, вечность, мечты, уют*; нет реакции – 1 человек.

Формально-грамматическая характеристика состава ассоциативного поля «Женщина» различна. Первое место по частоте занимает имя существительное – 28 (60 %), второе место – имя прилагательное – 15 (34 %), третье – глагол – 1 (2 %) и наречие – 1 (2 %), нет реакции – 1 (2 %). Таким образом, учитывая номинацию, предметность, передаваемые именем существительным, можно говорить о неизменном, «незыблемом» представлении о женщине в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири. В образе закреплены как положительные стороны (*мать, мама, бабушка, жена, Родина, уют, вечность, ребенок, мечты* и др.), так и отрицательные (*деньги, за товар, лгать, обман, измена, баба, коварная* и др.). Самая большая по числу реакций группа в периферийной зоне указывает на физические, моральные качества и внешность женщины.

Обратим внимание, что лексема *баба*, на наш взгляд, одинаково относится к двум группам: внешность и физические и моральные качества женщины. Реакция *Ева* указывает как на библейский образ праматери человечества, так и на имя собственное.

Выводы. Подводя итог, отмечаем, что в сознании сибиряков образ женщины ассоциируется с мамой, красотой, роковым влечением, независимым характером, грацией, любовью. В языковом сознании жителей Приенисейской Сибири образ женщины также неразрывно связан с образом мужчины.

Основная роль женщины, по мнению представителей Красноярского края, – быть матерью, мамой, женой, любимой, бабушкой, бабой, женщиной-кошкой, бизнес-леди, проявляющей в соответствующих ситуациях как женские, так и мужские качества, показывающей многогранность женской натуры, способность перевоплощаться, совмещать в себе многие образы одновременно, одинаково хорошо играть роли, на которые приглашает жизнь. Такой образ соответствует и современной тенденции женщин посвящать себя карьере, добиваться финансовой независимости, но и оставаться в качестве домохозяйки, верной жены и хорошей матери.

Формально-грамматический состав указывает на статичность, незыблемость образа женщины, закрепленного в сибирском региональном сознании.

Список словарей

1. Васильев А.Д., Васильева С.П., Кипчатова А.В., Шибаев М.В., Тимченко А.Г., Бебриш Н.Н. Ассоциативный словарь Приенисейской Сибири / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 258 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.

Библиографический список

1. Адонина Л.В. Концепт «женщина» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 246 с.
2. Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Лексикографическая и психолингвистическая репрезентация образа женщины в разных культурах // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 45–50.
3. Васильева С.П., Васильев А.Д., Т.В. Мамаева Е.В. Устьянцева Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
4. Тимченко А.Г. Лексическая экспликация семиотической оппозиции «мужчина / женщина» в говорах центральных районов Красноярского края // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2012. С. 250–256.
5. Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–17.
6. Устьянцева Е.В. Оппозиция мужчина – женщина в языковом сознании сибиряков // Базовые ценности этноса в речи и тексте: материалы международной научно-практической конференции / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. С. 261–269.
7. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 144–162.

Сведения об авторе

Мамаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-62>

THE IMAGE OF A WOMAN IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE YENISEI SIBERIA INHABITANTS

T.V. Mamaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the image of a woman in linguistic consciousness of the Yenisei Siberia inhabitants, identifies specific features of the regional linguistic consciousness. The study was based on data from the Associative dictionary of the Yenisei Siberia (from stimulus to reaction). Such analysis allows us to identify the main features of the studied image in the linguistic consciousness of Siberians, which is the object of our research.

The purpose of this study is to identify the psycholinguistic perception of a woman by residents of the Yenisei Siberia.

Research methods. To identify the value meanings of the image-concept “woman”, we conduct research by analyzing the associations presented in the dictionary from stimulus to reaction, which allows us to show general ideas about a woman as a cultural stereotype.

Research results. As a result of the analysis, we came to the following conclusion: the image of a woman in the regional Siberian consciousness is associated with mother, beauty, fatal attraction, independent character, grace, and love. The main role of a woman, according to the representatives of the Krasnoyarsk territory, is to be a mother, mom, wife, beloved woman, grandmother, woman, who shows both female and male qualities in appropriate situations.

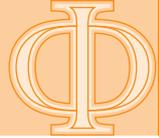
Keywords: *psycholinguistics, linguistic consciousness, associative experiment, associative field, associative dictionary, value, Prieniseyskaya Siberia.*

Spisok slovarej

1. Vasil'ev A.D., Vasil'eva S.P., A.V. Kipchatova, SHibaev M.V., A.G. Timchenko, N.N. Bebrish. *Assosiativnyj slovar' Prienisejskoj Sibiri*. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2014. 258 s.
2. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod obshch. red. prof. L.I. Skvorcova*. 24-e izd., ispr. M.: Oniks: Mir i obrazovanie, 2010. 640 s.

References

1. Adonina L.V. *Koncept "zhenshchina" v russkom yazykovom soznanii* [The concept of “woman” in the Russian linguistic consciousness]. Dis. kand. filol. nauk. Voronezh, 2007. 246 p.
2. Borgoyakova T.G., Pokoyakova K.A. *Leksikograficheskaya i psiholingvisticheskaya reprezentaciya obraza zhenshchiny v raznyh kul'turah* [Lexicographic and psycholinguistic representation of the image of woman in different cultures] // *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2012. T. 10, vyp. 2. P. 45–50.
3. Vasil'eva S.P., Vasil'ev A.D., T.V. Mamaeva E.V. *Ust'yanceva Bazovye cennosti regional'nogo yazykovogo soznaniya russkih Prienisejskoj Sibiri: monografiya* [Basic values of regional linguistic consciousness of Russians in Yenisei Siberia: monograph]. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2017. 180 p.
4. Timchenko A.G. *Lexical explication of the semiotic opposition “man/woman” in the dialects of the Central districts of the Krasnoyarsk territory* [Lexical explication of the semiotic opposition “man / woman” in the dialects of the Central districts of the Krasnoyarsk territory]. *Word and text in the cultural consciousness of the epoch: a Collection of scientific papers*. Vologda state pedagogical University. Vologda, 2012. P. 250–256.

5. Tarasov E.F. Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskih cennostej [The problem of analyzing the content of universal values] // *Voprosy psiholingvistiki*. 2012. № 1 (15). P. 8–17.
6. Ust'yanceva E.V. Oppozitsiya muzhchina – zhenshchina v yazykovom soznanii sibiryakov [Man-woman opposition in the linguistic consciousness of Siberians] // *Bazovye cennosti etnosa v rechi i tekste: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2017. P. 261–269.
7. Ufimceva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russian: the experience is one of self-discovery]. *Etnokul'turnaya specifika yazykovogo soznaniya*. M.: In-t yazykoznaniiya RAN, 1996. P. 144–162.

About the author

Mamaeva Tatiana Vladimirovna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-63>

УДК 81'23

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ Я – НЕ Я В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ КРАСНОЯРСКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Т.М. Низамутинова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Исследование посвящено анализу семиотической оппозиции «я – не я» с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия образов я и не я школьниками Красноярска на материале ассоциативных полей «от реакции к стимулу», зафиксированных в «Обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска» (ОАСШК).

Результаты анализа. В процессе анализа выявляются различия в смысловой структуре поля и основные черты коллективного языкового сознания школьников.

Выводы. В результате анализа выявлены особенности оппозиции «я – не я» в языковом сознании школьников, проведен анализ формально-грамматической структуры единиц ядра, выявлены семантические зоны данных ассоциативных полей.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный словарь школьника, ядро языкового сознания, оппозиция я – не я.

Постановка проблемы. Вопрос о взаимоотношении языка, мышления, культуры является одним из актуальных вопросов языкознания. Язык – средство отражения воззрений человека на мир, на культуру, на самого себя.

Освоение знаний любого предмета осуществляется в форме устной и письменной коммуникации, а также самообразования, поэтому интеллектуальное развитие человека, в том числе школьника, тесно связано с развитием его речевой способности. Так, А.А. Залевская в монографии «Значение слова через призму эксперимента» обращается к определению «образа мира ребенка», о котором писал А.А. Леонтьев, особо подчеркивающий следующее: «Образ мира у ребенка – это не абстрактное, холодное знание о нем. Это не знания ДЛЯ МЕНЯ: это мои знания. Это не МИР ВОКРУГ МЕНЯ: это мир, ЧАСТЬЮ которого являюсь и который так или иначе ПЕРЕЖИВАЮ И ОСМЫСЛЯЮ ДЛЯ СЕБЯ» [Леонтьев, 2001].

Слово и его лексическое значение представители разных направлений современной лингвистики рассматривают по-разному. Лексическое значение в классическом языкознании интерпретируется как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении...» (ЛЭС, 1990, с. 261).

Методология. В теории слова как «живого знания» А.А. Залевская акцентирует операционалистский подход, где значение слова понимается как феномен, который имеет психологическую структуру (а не формально-логический

семный набор, пусть даже расширенный за счет прагматической коннотативной части), что позволяет квалифицировать процессы речевой деятельности как многофункциональные познавательные процессы [Залевская, 2005; 2013]. Важным является то, что *значение слова в сознании*, согласно данной концепции, занимает центральное положение; включение «идентифицируемого слова в многоаспектный *внутренний* (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст во взаимодействии с внешним (вербальным, ситуативным) контекстом [Залевская, 2005, с. 232]; учет принципа функционирования индивидуального знания как психического феномена (неразрывности процессов памяти, мышления, речи, протекания таких процессов на различных уровнях осознаваемости...); понимание того, что: «двойная жизнь значения слова, обращенного одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности» [Там же].

При работе над развитием внутреннего лексикона взрослого и ребенка, подростка (школьника), следовательно, «живой жизнью» слова, важно осмысление того, что: «„живая жизнь слова” осуществляется только в том случае, если оно переживается, будучи слитым с продуктами переработки многообразного опыта, включено во множество связей и отношений» [Бутова, 2012, с. 57].

Исследователи считают возможным изучать внутренний лексикон человека «методикой реконструкции структур сознания носителей языка» [Там же], вариантом которой является ассоциативный эксперимент, при котором «Структуры когнитивного бессознательного проявляются в ассоциативных связях между лексическими единицами, которые при определенном воздействии на сознание (например, с помощью слова-стимула) активируются» [Васильева, 2020, с. 29]. Результатом ассоциативного эксперимента являются ассоциативные словари, «представляющие собой совокупность ассоциативных полей, составленных из реакций на данные стимулы» [Васильева, Низамутинова, 2020, с. 203–209].

Наше исследование посвящено анализу семиотической оппозиции «я – не я» в языковом сознании школьников на материале «Ассоциативного словаря школьников 5–11-х классов Красноярска» (АСШК), который был создан в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Ассоциативный эксперимент был проведен в 2019–2020 гг. в школах № 18 и 156 города Красноярска, в нем приняли участие 478 школьников 5–11-х классов, носители русского языка в возрасте 11–18 лет, из них 258 респондентов женского пола и 220 – мужского. Эксперимент проводился в устно-письменной форме. Во время САЭ обучающимся был предложен список стимулов, одинаковых для всех участников эксперимента, который был представлен 95 общелитературными словами (именами существительными, прилагательными, глаголами, наречиями), содержащими базовые эстетические, этические ценностные концепты: *авторитет, власть, добро, уважение, хорошо, плохо, учитель, врач, деловой, чемпион, тактичный, дети, рисовать, грамотный и т.п.* Школьникам необходимо было заполнить анкеты, содержащие стимулы (устное предъявление), на которые они должны были ответить первым пришедшим в голову словом (письменно зафиксировать реакцию), следуя инструкции для испытуемых [Васильева, Низамутинова, 2020].

Цель данной статьи – выявить особенности психолингвистического восприятия образов *я – не я* учащимися средних общеобразовательных школ Красноярска на материале ассоциативных полей «от реакции к стимулу», зафиксированных в «Обратном ассоциативном словаре школьника Красноярска» (ОАСШК). Путем анализа ассоциативного поля (АП) «от реакции к стимулу» выявить основные черты коллективного (усредненного) языкового сознания личности.

Результаты исследования. Ядром языкового сознания принято называть ограниченное количество слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в сознании носителей языка, то есть «обладающих максимальной ассоциативной силой в ассоциативно-вербальной сети» [Золотова, 2005, с. 4]. Ядро «я – не я» языкового сознания (ЯС) школьников выделено нами по методике А.А. Залевской [Залевская, 1981] на базе обратных статей АСШК.

«Обратный ассоциативный словарь школьников г. Красноярска» дает в рассматриваемых нами словарных статьях следующее, довольно значительное количество стимулов, вызвавших реакцию *я* у всех респондентов – 452 (5–6-х кл. – 215; 7–8-х кл. – 189; 9–11-х кл. – 48), и только 60 человек (5–6-х кл. – 25; 7–8-х кл. – 32; 9–11-х кл. – 3) ответили реакцией *не я*. Проанализировав различия по формально-грамматической характеристике состава ассоциативных полей *Я – НЕ Я*, мы обратили внимание на то, что большую часть стимулов данных ассоциативного поля составляют прилагательные; имена существительные представляют первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля *Я*. Результаты формально-грамматической характеристики представим в табл. 1.

Таблица 1

Формально-грамматическая характеристика ассоциативных полей Я – НЕ Я

Части речи	АП Я				АП НЕ Я			
	5–6-е классы	7–8-е классы	9–11-е классы	Общее количество учащихся	5–6-е классы	7–8-е классы	9–11-е классы	Общее количество учащихся
Имя существительное	82 (37,4 %)	87 (41,2 %)	19 (39,5 %)	188 (39,3 %)	12 (5,5 %)	15 (7,1 %)	0 (0 %)	27 (5,65 %)
Имя прилагательное	118 (53,9 %)	97 (45,97 %)	27 (56,25 %)	242 (50,6 %)	13 (5,9 %)	17 (8,05 %)	3 (6,25 %)	30 (6,27 %)
Глагол	12 (5,47 %)	4 (0,8 %)	–	16 (3,34 %)	–	–	–	–
Наречие	1 (0,5 %)	4 (0,8 %)	–	5 (1,05 %)	–	–	–	–

Имя прилагательное как часть речи обозначает постоянный признак предмета, его качество, свойство и принадлежность. Отметим, что в языковом сознании школьников Красноярска образ *я* репрезентирован закрепленными за ним постоянными качествами; среди стимулов присутствуют названия качеств, вызвавших реакции *я – не я*.

Имена существительные представляют первые позиции ядерных зон и преобладают потому, что слово «я» (кто?) в русском языке имеет предметное значение, поэтому *я* ассоциируется в первую очередь с предметными словами. Интересно, что словарная статья с заголовочным словом «*НЕ Я*» отличается большим количеством входящих в нее единичных стимулов (51,66 %), при этом единичные стимулы-существительные составляют 30 % от общего числа разных стимулов, представленных в статье. Учитывая данный факт, можем заключить, что сейчас наблюдается неравнозначное отношение учащихся 5–11-х классов к образу *не я*, происходит переоценка представлений: «Кем я не являюсь?», «Кто точно не я?» и т.д.

Сравним набор основных смыслов ассоциативного поля *Я* с основными значениями толкового словаря русского языка, который дает два основных значения.

Я, меня, мне, меня, мной(ю), обо мне, мест. личн. 1 л. ед.ч.

1. Служит для обозначения говорящим самого себя. Я мыслю, следовательно, существую. Если не я, то кто же? (говорится в знач. это мой долг, я должен действовать; высок.). Я не я, и лошадь не моя (посл.: ничего не знаю, ни к чему не причастен).

2. нескл., ср. Индивидуум как личность, осознающая самое себя (книжн. и спец.). Углубленность в собственное «я». Кроме собственного «я» ничем не интересуется. Расстройства «я» (общее название некоторых психических заболеваний, связанных с нарушением самосознания) (Ожегов, 2010, с. 598).

Представим ядерные зоны ассоциативного поля *Я* и ассоциативного поля *НЕ Я* обратного ассоциативного словаря школьников Красноярска «от реакции к стимулу», рассмотрев первые пять позиций (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение ядерных зон АП Я и АП НЕ Я

№	АП Я			
	5–6-е классы	7–8-е классы	9–11-е классы	Общее
1	2	3	4	5
1	Растяпа 15 (6,8 %)	Растяпа 17 (8,05 %)	Растяпа 5 (10,4 %)	Растяпа 37 (7,74 %)
2	Пафосный 10 (4,6 %)	Пафосный, успешный 8 (3,79 %)	Лидер 4 (8,3 %)	Пафосный 20 (4,18 %)
3	Деловой, бизнесмен, наивный 9 (4,1 %)	Наивный, глупый 7 (3,3 %)	Добрый 3 (6,25 %)	Наивный 18 (3,76 %)
4	Успешный, добрый, чемпион, русский 7 (3,2 %)	Душевный, чемпион, независимый, интеллигент, пошлый 5 (2,4 %)	Авторитет, душевный, командир, наивный, пафосный, жадный, успешный, глупый, независимый, пошлый 2 (4,2 %)	Успешный 17 (3,55 %)
5	Эlegantный, независимый 6 (2,7 %)	Добрый, дурной, бизнесмен, богатый, тактичный 4 (1,9 %)	–	Чемпион, глупый, бизнесмен 13 (2,7 %)

№	АП НЕ Я			
	5–6 классы	7–8-е классы	9–11-е классы	Общее
1	Грамотный, глупый, журналист, наивный, водила, композитор, американский 2 (0,9 %)	Пошлый 4 (1,9 %)	Русский, наивный, грамотный 1 (2,08 %)	Грамотный 5 (1,05 %)
2	–	Дипломат 3 (1,4 %)	–	Композитор, пошлый 4 (0,84 %)
3	–	Грамотный, элегантный, тактичный, композитор 2 (0,94 %)	–	Дипломат, наивный 3 (0,63 %)

НЕ Я – *грамотный*, отвечают учащиеся трех возрастных групп, при этом отметим, что не считают себя грамотными учащиеся 5–6-х, 9–11-х классов, т.к. стимул *грамотный* в ассоциативном поле *НЕ Я* находится на первой позиции, а у 7–8-х – на третьей, в околядерной зоне.

7–8-е классы ассоциируют *НЕ Я* со стимулом *пошлый*, для них это первая позиция ядерной зоны. В языковом сознании школьников Красноярска образ *не я* связан с образами: *грамотный, композитор, пошлый, дипломат, наивный*. Отсюда следует, что учащиеся не ассоциируют себя с этими качествами.

Первую позицию в ассоциативном поле *Я* занимает стимул *растяпа*, причем чем старше становится школьник, уверенность в том, что он – *растяпа*, только возрастает (5–6-е классы – 6,8 %; 7–8-е классы – 8,05 %; 9–11-е классы – 10,4 %). Мы рассмотрели образ *растяпа* «от реакции к стимулу» в гендерном аспекте. Среди респондентов, давших реакцию *я* на стимул *растяпа*, большую часть составляют девочки (девочки – 22 чел.; мальчики – 15 чел. По категориям: 5–6 классы: девочки – 9 чел., мальчики – 6 чел.; 7–8-е классы: девочки – 9 чел., мальчики – 8 чел.; 9 – 11-е классы: девочки – 4 чел., мальчики – 1 чел.).

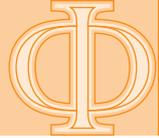
Слово «растяпа» в русском языке имеет следующее значение.

РАСТЯПА, ы, м. и ж. (разг. неодобр.). Неловкий человек, делающий все невнимательно, плохо (Ожегов, 2010, с. 323). Следовательно, часть школьников осознают себя неловкими, делающими все невнимательно, плохо. Считаем, что такое восприятие себя формируется у учащихся взрослыми. Считаем, что родителям и учителям следует обратить на это внимание. Для формирования личности подростка целесообразно формировать у ребенка позитивные образы *я*.

Вторую позицию в ассоциативном поле *Я* занимает стимул *пафосный*.

ПАФОС, а, м. (книжн.) Воодушевление, подъем, энтузиазм. *Говорить с пафосом. П. творческого труда / прил.* пафосный, ая, ое (Ожегов, 2010, с. 302).

В среде школьников средних и старших классов популярны сленговые значения слов *пафосный* и *лидер*, для определения содержания понятий «пафосный» и «лидер» обратимся к словарю молодежного сленга.

В молодежном сленге: ПАФОСНЫЙ – крутой, пантовый (*орфография словаря*) (СМС).

ЛИДЕР, а, м. 1. Глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации или вообще какой-н. группы людей; человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-н. коллективе. *Политический л.* 2. Спортсмен или спортивная команда, идущие первыми в состязании. *Л. турнира. Гонка за лидером* (Ожегов, 2010, с. 242).

В молодежном сленге: ЛИДЕР – один из многочисленных вариантов самоназвания лидера неформальной группы (СМС).

Подростки мечтают, чтобы сверстники считали их классными, крутыми, пантовыми. Вероятно, их привлекает романтика неформальных групп.

Изучение и анализ формальной структуры единиц языкового сознания красноярских школьников показывает, что почти две трети единиц ядра и околоядерной зоны ассоциативного поля Я (46,2 %) и две трети ассоциативного поля НЕ Я (54,5 %) имеют в своем составе две морфемы, около трети слов ассоциативных полей Я – НЕ Я – три морфемы (табл. 3).

Таблица 3

Морфемный состав единиц ядра и околоядерной зоны АП Я и АП НЕ Я ЯС школьников Красноярска на материале ОАСШК

морфем	Количество		Примеры	
	единиц ядра и околоядерной зоны (%)		АП Я	АП НЕ Я
	АП Я	АП НЕ Я		
1	0 %	0 %	–	–
2	38,5 %	36,4 %	растяпа, чемпион, глупый, лидер, добрый	композитор, дипломат, глупый, пошлый
3	53,8 %	63,6 %	пафосный, наивный, успешный, деловой, русский, эlegantный, бизнесмен	грамотный, наивный, тактичный, журналист, водила, эlegantный, американский
4	7 %	0 %	независимый	

Морфемная структура русского слова должна включать, кроме корня, флексию, поэтому минимальная структура существительных и непроизводных прилагательных двуморфемная. Двуморфемные существительные и прилагательные в русском языке, как правило, являются базовыми (исходными) в деривационной системе русского языка [Сдобнова, 2007]. Таким образом, можно заключить, что единицы ядра и околоядерной зоны полей я – не я школьников относятся к высокочастотной лексике, к базовым единицам словообразовательной системы русского языка.

Традиционно в исследовании ассоциативных полей стимулы, входящие в ассоциативные поля, распределяются по идеографическому принципу на семантические зоны [Васильева и др., 2017, с. 118].

В ассоциативном поле Я выявлено 8 семантических зон.

1. Внутренние качества 84: растяпа 37; наивный 18; добрый 12; душевный 11; активный 6.

2. Положительная оценка 79: успешный 16 (+ высказывания: ну, эт я; как я); эlegantный 13; добрый 12; душевный 11; брутальный 9 (+ высказывание: я в будущем); тактичный 5; эффективный 5 (+ высказывание: я, я, я, я); реальный 4; правильный 4.

3. Род деятельности 76: бизнесмен 13; чемпион 12; военный 9; артист 8; дипломат 6; врач, адвокат, мастер 4; юрист, прокурор, медик 3; чиновник, водила, композитор 2; рисовать 2.

4. Поведение 62: пафосный 20; деловой 9; активный, независимый, зажатый 6; интеллигент 5; лидер 4; культура, авторитет, командир 2.

5. Негативная оценка 34: пошлый 12; жадный 7; дурной 5; наглый 5; злой 3 (+ высказывание: я после контрольной, я иногда); гнилой 2.

6. Степень владения навыками 8: грамотный 6, глупый 2.

7. Чувства 8: успешный 7; уважение 1.

8. Достаток 6: богатый 5; денежный 1.

В ассоциативном поле Я на первом месте по количеству ассоциатов находится семантическая зона **внутренние качества** (17,99 %), при этом самыми частотными в ней являются стимулы: *растяпа, наивный, добрый*. На втором месте семантическая зона **положительная оценка** (16,5 %), в которой ведущими стимулами являются слова: *успешный, elegantный, добрый*. На третьем месте – семантическая зона **род деятельности** (15,9 %), в которой первую позицию занимают стимулы *бизнесмен, чемпион, военный*.

В ассоциативном поле НЕ Я выявлено 7 семантических зон.

1. Род деятельности 25: композитор 4; дипломат, журналист 3; юрист, водила 2; наука, прокурор, ботаник, завод, военный, адвокат, артист, учитель, интеллигент, врач, губернатор 1.

2. Степень владения навыками 7: грамотный 5, глупый 2.

3. Внутренние качества 6: наивный 3; зажатый 1; битый 1, зло 1.

4. Негативная оценка 4: пошлый 4.

5. Поведение 4: наглый 2; пафосный, лидер 1.

6. Происхождение, принадлежность к какой-либо нации, народу 3: американский 2; русский 1.

7. Достаток 1: денежный 1.

На первом месте в ассоциативном поле НЕ Я представлена семантическая зона **род деятельности**, самыми частотными являются стимулы *композитор, дипломат и журналист*, именно с этими профессиями школьники себя не ассоциируют. На втором месте – семантическая зона **степень владения навыками** с ведущим стимулом *грамотный*. На третьем месте – семантическая зона **внутренние качества**, в которой самым частотным является стимул *наивный*.

Выводы. В результате анализа ассоциативных полей оппозиции я – не я в обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска (ОАСШК) «от реакции к стимулу» с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия данных образов отмечаем следующее.

1. Формально-грамматическая характеристика ассоциативных полей Я – НЕ Я различна: большую часть стимулов ассоциативных полей Я – НЕ Я составляют

имена прилагательные, но первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля *Я* представляют имена существительные, потому что личное местоимение *я* имеет предметное значение.

Большую часть входящих стимулов ассоциативного поля *НЕ Я* составляют единичные стимулы, что указывает на то, что школьники затрудняются обозначить то, что стоит за пределами их *я*.

2. Проанализировав ядерную зону ассоциативного поля *Я*, можно утверждать, что в языковом сознании значительной части школьников преобладает образ *я* – это *растяпа*, то есть человек неловкий, делающий все невнимательно, плохо. Считаем, что такое восприятие себя сформировали у учащихся взрослые. Часть школьников ассоциируют себя с недостатками, но важно отметить, что при этом положительных оценок образа *я* больше. Вторая позиция ядерной зоны для 7–8-х классов – *пафосный*, для 9–11-х классов – *лидер*, следующие позиции – *успешный*, *командир*, *независимый*, *авторитет* – говорят о том, что в среде школьников средних и старших классов популярны сленговые значения слов *пафосный* и *лидер*, вероятно, их привлекает романтика неформальных групп.

Школьники 5–11-х классов ищут ответы на вопрос: «Кто я?» «Чем отличаюсь от других?». Они экспериментируют со стилем, всячески стараясь привлечь к себе внимание. Особенно ярко это начинает проявляться в среднем школьном возрасте (7–9-й класс). Подростки мечтают, чтобы сверстники считали их *крутыми*, *пантовыми*, *классными*. Это означает, что в неформальной компании их уважают и принимают.

Стимулы, входящие в ассоциативное поле *НЕ Я*, свидетельствуют о том, что школьники не осознают себя как *композитор*, *грамотный*, *наивный*.

3. Ядро ассоциативных полей *я – не я* языкового сознания красноярских школьников неоднородно, вариативно, динамично. Анализ формальной структуры единиц ядра ассоциативных полей *Я – НЕ Я* показал, что почти две трети слов-стимулов имеют в своем составе две морфемы, а двуморфемные существительные и прилагательные являются базовыми. Таким образом, можно констатировать, что единицы ядра оппозиции *я – не я* школьников Красноярска относятся к высокочастотной лексике, к базовым единицам словообразовательной системы русского языка.

4. В ходе исследования были выявлены семантические зоны ассоциативных полей. В ассоциативных полях *Я – НЕ Я* совпадают семантические зоны «внутренние качества» и «род деятельности». В ассоциативном поле *Я* семантическая зона «внутренние качества» занимает первую позицию, в ассоциативном поле *НЕ Я* – третью. Семантическая зона «род деятельности» занимает третью позицию в ассоциативном поле *Я* и первую позицию в ассоциативном поле *НЕ Я*. Исследуемые ассоциативные поля включают различные семантические зоны: «положительные оценки» – в ассоциативном поле *Я*, «степень владения навыками» – в ассоциативном поле *НЕ Я*.

Анализ входящих в семантические зоны стимулов показал, что часть школьников осознают себя в негативном ключе: *я – растяпа*, *не я – грамотный*, но преобладают все-таки позитивные оценки *я – бизнесмен*, *чемпион*, *дипломат*, *наивный*, *добрый*.

Список словарей

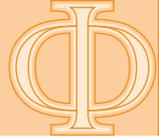
1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233> (дата обращения: 25.10.2020).
4. СМС – Словарь молодежного сленга. URL: <https://www.math-solution.ru/slang/5432> (дата обращения: 25.10.2020).

Библиографический список

1. Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: «ВАРИАНТ-ОМСК», 2012. 128 с.
2. Васильева С.П., Васильев А.Д., Мамаева Т.В., Устьянцева Е.В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / под ред. С.П. Васильевой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2017. 180 с.
3. Васильева С.П., Низамутинова Т.М. Изучение динамических процессов внутреннего лексикона школьника методом свободного ассоциативного эксперимента // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 3 (53). DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-53-3-234>
4. Васильева С.П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. 2020. № 1. С. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 349 с.
6. Залевская А.А. Значение через призму эксперимента: монография. М.: Директ-Медиа, 2013. 240 с.
7. Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвуз. тем. сб. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1981. С. 28–44.
8. Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.
9. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики / гл. ред. А.А. Леонтьев. М., 2003. С. 30–35.
10. Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека, как естественный метаязык: автореф. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2005. 44 с.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 288 с.
12. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 448 с.
13. Сдобнова А.П. Единицы ядра языкового сознания современного школьника // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 99–104.

Сведения об авторе

Низамутинова Татьяна Магесумовна – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nizamutinovatm@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-63>

SEMIOTIC OPPOSITION “ME – NOT ME” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF SCHOOL CHILDREN IN KRASNOYARSK (BASED ON A PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

T.M. Nizamutina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the semiotic opposition “me-not me” to identify the features of psycholinguistic perception of images “me-not me” by schoolchildren of Krasnoyarsk on the material of associative fields “from a reaction to a stimulus”, recorded in the “Reverse associative dictionary of Krasnoyarsk schoolchildren” (RADKS). In the process of analysis, differences in the semantic field structure and the main features of collective language consciousness are identified.

As a result, the options of the opposition “me-not me” were identified in the language consciousness of schoolchildren, the formal-grammatical structure of the nuclear units were analyzed, the semantic data areas of associative fields were revealed.

Keywords: *psycholinguistics, language consciousness, associative field, associative schoolchildren's dictionary, core of language consciousness, “me-not me” opposition.*

Spisok slovarej

1. LES – Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. V.N. Yartsevo. M.: Sov. Encyclopedia, 1990. 685 p.
2. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian language / under the General Ed. Prof. L.I. Skvortsova. 24th ed. Rev. M.: Onyx: Peace and Education, 2010. 640 p.
3. Ozhegov S.I., Shedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. URL: [https // slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233](https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233) (date of the application: 25.10.2020).
4. SMS – Dictionary of the youth Sleng. URL: <https://www.math-solution.ru/slang/5432> (date of the application: 25.10.2020).

References

1. Butakova L.O. Materials for the associative-semantic dictionary of Omsk residents. Omsk: VARIANT-OMSK, 2012. 128 p.
2. Vasilyeva S.P., Vasiliev A.D., Mamaeva T.V., Ustaantseva E.V. Basic values of the regional language consciousness of the Russians of the Ere nilia Siberia: monograph / ed. S.P. Vasilyeva. Krasnoyarsk, 2017. 180 p.
3. Vasilyeva S.P., Nizamutina T.M. Study of dynamic processes in the internal vocabulary of a school student by the method of free association experiment // Vestnik KGPU im. V.P. Astafieva. 2020. No. 3 (53). P. 203–209.
4. Vasilyeva S.P. Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX–XXI Centuries, In Nauchnyi dialog. 2020. No. 1. P. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44 (In Russ.).
5. Zalevskaya A.A. Introduction to psycholinguistic. M.: Rosysian State Humanitarian University, 1999. 349 p.

6. Zalevskaya A.A. Value through the prism of the experiment: monograph. M.: Direct-Media, 2013. 240 p.
7. Zalevskaya A.A. On a comprehensive approach to the study of the regularities of the functioning of the human language mechanism, In Psycholinguistic studies in the field of vocabulary and phonetics. Kalinin, 1981. P. 28–44.
8. Zalevskaya A.A. The word. The text. Selected works. Smozis, 2005. 542 p.
9. Zalevskaya A.A. Linguistic Consciousness: Theory Issues. In Questions of Psycholinguistics / ed. A.A. Leontev. M., 2003. P. 30–35.
10. Zolotova N.O. The core of the mental lexicon of a person as a natural meta-cycle. Tver, 2005. 44 p.
11. Leontyev A.A. The foundations of psycholinguistics. M.: Meaning. Lan, 2003. 288 p.
12. Leontyev A.A. Language and speech activities in general and pedagogical psychology: elected psychological works. M.: Moscow. Psychologo-social. In-t; Voronezh: NGO „Modek”, 2001. 448 p.
13. Sdobnova A.P. Units of the nucleus of the language consciousness of a modern schoolboy // Questions of psycholinguistics. 2007. No. 5. P. 99–104.

About the author

Nizamutina Tatiana Magesumovna – Postgraduate Student, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: nizamutinovatm@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-64>

УДК 82.02

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ТОТАЛЬНОСТИ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «АПОФЕОЗ МИЛИЦАНЕРА» Д.А. ПРИГОВА)

О.А. Глушенкова (Красноярск, Россия)

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В работе анализируется трансформация образа тотальности власти в условиях открытости системы информационного общества – в московском концептуализме Д. Пригова.

Цель исследования – дать оценку репрезентации положительного образа власти в советских масс-медиа через законодательные акты (закона о советской полиции) и дальнейшей ее деконструкции в творчестве московских концептуалистов.

Результаты исследования. Демонстрируется значение полицейского как представителя власти в рамках парадигмы социального семиозиса симулякров Ж. Бодрийера – через становление симулякра в его стадиях. Симулякра Ж. Делеза – как образа, лишённого подобия, рассматривающего симулякр через парадигму платоновского видения бытия. Симулякра Ж. Батая – как значения, деформирующего само бытие – в первоначальном онтологическом смысле понятия симулякра. И социальной теории постмарксизма С. Жижека – как иллюзорной «объективной необходимости», продолжающей марксистскую концепцию отчуждения в самом широком смысле. Рассматривается репрезентация власти в образе милиционера-полицейского от третьего порядка симулякров: в необходимости сокрытия отсутствия первоначального действительного значения – до четвертого – в тотальности симуляции.

Вывод. В образе «милигранера» раскрывается проблема тотальности власти и ее репрезентации в литературе, символизирующей кризис существующей онтологии тождества и переход к онтологии различий, где означаемое больше не тождественно означаемому, где милигранер стоит и «не скрывается».

Ключевые слова: симулякр, Д. Пригов, московский концептуализм, Ж. Бодрийер.

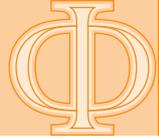
Постановка проблемы. В условиях стремящегося к открытости информационного общества естественным образом встает проблема субъекта власти: ее вынужденная открытость поставила в опасное положение многие ранее тотально закрытые структуры. Ведь сакрализация власти реализуется через противоречие ее открытости: репрезентации через справедливую силу, наводящую порядок, с одной стороны, и закрытости ее рычагов, всепроникающих, всеведущих сил – с другой, иллюстрацией этого явления может послужить картина Васи Ложкина «Родина слышит» (рис.). Только таким образом, освещая одну часть власти и оставляя в тени другую (которая не обязательно должна существовать),

точнее, создавая симуляцию ее присутствия, давая пищу для конспирологических теорий – и политической пассивности в духе «от нас ничего не зависит», возможно добиться реализации власти вне гражданского общества. В противном случае, если власть будет открыта, она может реализовываться только с точки зрения полной легитимности и электоральной поддержки, но нас такая плюралистичная и популистская власть в духе западных демократий не интересует.

Рис. Вася Ложкин «Родина слышит»

Так, французский философ Мишель Фуко приоткрывает дверь в тюрьмы и психбольницы, а наш соотечественник А. Солженицын снимает пелену с огороженного тайгой пространства ГУЛАГа – как и вся лагерная проза после него. Всегда скрытый субъект власти постепенно становится открытым, что делает его элементы еще более отчужденными от своих объектов из-за роста популярности идеи гуманизма, с одной стороны, и провозглашение человека «осужденным на свободу», не имеющим оправданий своих поступков и, соответственно, меры всех вещей. И «смерти Бога», и разрушению «нравственных скрижалей» – через популяризацию идей немецкого и французского экзистенциализма – с другой стороны. В условиях тотальности гуманизации и кризиса духовных догм через их трансформацию в дискурс (а дискурс догматики в сущности значит ее крах) любая власть нуждается в обоснованности существования и убедительной легализации: так, например, аргументы силы или Божественной обоснованности, успешно действующие на протяжении Средних веков и даже Нового времени, в

современных обществах утрачивают свою «силу» – такой парадокс. Поэтому в некотором смысле история XX в. – это история самооправдания власти и репрезентации ее тотальности, что символически могло быть выражено в детской игре в прятки, когда игрока поймали, но он продолжает скрываться, убедительно твердя, что это не так, его не поймали и правила меняются.

Обзор научной литературы. В рассматриваемых нами художественных образах доминирует образ милиционера-полицейского, но, так как мы имеем дело с концептуальной репрезентацией, для ее определения и обоснования в парадигме симуляции стоит вернуться к реальности репрезентируемого феномена, в данном случае – к милиции-полиции.

В Советском Союзе писатели, художники, кинематографисты идейного толка много работали над позитивным образом советской милиции – в противовес царской жандармерии. В 1960-е гг. выходит мультипликационный фильм «Дядя Степа – милиционер», рассказывающий о милиционере, который совершает много благородных поступков – переводит через дорогу бабушек, находит маму потерявшегося малыша и предотвращает выходки хулиганов. Дядя Степа, возвышаясь над всеми обычными людьми, тем не менее дружелюбно настроен к ним – он добрый и всегда готов прийти на помощь. Интересно, что мультипликационный фильм был снят по одноименному стихотворению Сергея Михалкова, неоднократно раскритикованного за стремление угождать сиюминутным желаниям властей, лояльность к любому режиму и приспособленчество [Трофименков, 2003; Гриценко, Куклачев, 2008]. Михалков действительно в художественной форме предугадывает то, что будет написано в форме правовой в 1973 г., Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [Указ..., 1973], который регламентирует права и обязанности советской милиции, суть которых выражается в первой статье указа «Советская милиция призвана обеспечивать охрану общественного порядка в стране, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных посягательств и иных антиобщественных действий» [Указ..., 1973], что легализует действия милиции не с позиции силы или сверхъестественных сил, а в правовом и справедливом ключе. Спустя пять лет, в 1978 г. появится «Апофеоз Милицанера» Дмитрия Пригова.

Перестройка-ускорение-гласность приносят дух свободы и ветер перемен, под которым легальность власти рискует сломаться – СССР перестает существовать как субъект геополитики. В законе РСФСР от 18 апреля 1991 г. «О милиции» мы читаем уже следующее: «Милиция в Российской Федерации – система государственных органов исполнительной власти, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств и наделенных правом применения мер принуждения в пределах, установленных настоящим Законом и другими федеральными законами» [Закон..., 1991].

Результаты исследования. Настоящее положение легализует и обосновывает действия власти милиции. Это и есть постулируемая действительность – милиционер как защитник прав и свобод людей, граждан, в мультипликационной экранизации – благородный великан и друг людей. Милиционер, репрезентируемый властью, милиционер, репрезентируемый искусством, и милиционер как действительность – это три большие разницы. Именно поэтому стоит рассмотреть отношение искусства, в данном случае – московского концептуализма и официальной правовой репрезентации – «милиционер как призванный защищать права и свободы граждан». Образ милиционера представляет собой симулякр, так как он отчуждает от действительности и воплощает в себе строго определенные эмоционально значимые качества – благородство, силу духа, мужество.

Сам Д.А. Пригов в одном из интервью замечает, что «конкретную интонацию диктует пользующийся материал, его амбиции и степень повсеместной внедренности. Нынешний поэт и его поэтическое высказывание вполне затеряно и одиноко в море соревнующихся голосов. Оттого и иная интонация, чем при работе с единственным и всепобедившим мифом. Соответственно трансформировался и образ Милицанера. Если в пределах советского мифа он был генеральным посредником между Небесным Государством и Государством Земным, то ныне он просто госслужащий (естественно, со всеми пороками, присущими чиновникам нашей эпохи)» [Сергеев, 2006].

В монографии Н.Р. Саенко «Онтологическая поэтика пустоты» описан механизм превращения феномена реальности в феномен сознания [Саенко, 2010]. Исследователь интерпретирует образ приговского Милицанера через христианскую модель канонического жития святого, сопоставляет его с былинными богатырями, убедительно это обосновывая, но, абстрагируясь от христианских кодов, можно выдвинуть гипотезу о надмирной сущности Милицанера. Тотальность власти, а Милицанер – воплощение этой тотальности, совершенно не обязательно должна иметь христианский фундамент, этот фундамент скорее внерелигиозен или панрелигиозен, точно так же его можно сопоставлять с любым национально или культурно окрашенным представителем нечеловеческих высших сил.

В цикле «Апофеоз милицанера» представитель власти всевидящ и отовсюду видим: «На Запад и Восток глядит Милицанер / И пустота за ними открывается / И центр, где стоит Милицанер — / Взгляд на него отовсюду открывается / Отовсюду виден Милиционер» [Пригов].

Феномен паноптизма власти описан еще М. Фуко [Фуко, 1999].

Герой представляет интерес как объект созерцания и воспевания:

«Вот он идет на пост свой строгий / Милицанер в своем краю / И я пою его в восторге» [Пригов] – может быть примером и таковым себя считает («Как зрелости я форменный пример» [Пригов]), примечательно, что милицанер является именно примером зрелости – зрелость, строгость – это главные черты положительного соцреалистического героя [Кларк, 2000, с. 582], которые буквально каменеют, застывают в образе приговского героя, делая его монументальным и симулятивным (посредством иронии) одновременно.

Способность смотреть и быть зримым у милицанера особенная – он видит все, но ничего конкретного, мелкого, земного он не замечает:

«Пьет на обычный свой манер / Не видя даже литераторов / Они же смотрят на него / Вокруг него светло и пусто».

Д.А. Пригов том же интервью утверждает, что «интеллектуал же никогда не претендует на власть, он просто производит оценку властных мифов и претензий» [Сергеев, 2006], то есть его милицанер – это результат осмысления властного мифа.

Немаловажная деталь образа – мундир, который сразу перевоплощает «частного» человека в нем в метафизическое существо, соответственно, суд над убийцей в мундире может быть только метафизическим. Мундир на милицанере всегда:

«Пост далеко его отсюда / А вот мундир всегда при нем» [Пригов], – даже тогда, когда герой не находится на посту, он остается милицанером – максимально обобщенным образом власти, которая актуальна даже там, где людей нет, то есть это власть не над людьми, что подтверждает идею ее тотальности, разворачиваемую в первом стихотворении цикла. Тотальность власти подсвечивается также эпизодом прямой коммуникации с Богом:

«И смотрит вверх, и сверху Бог / Нисходит и целует в лоб», «Переговаривается он / Не знаю с кем – наверно / С Богом / И голос вправду неземной / Звучит из рации небесной...» [Пригов].

И несмотря на то что милицанер, как правило, «стоит», есть эпизоды, где он снисходит: «Милицанер сойдет с высот / И защитит младенца сонного» [Пригов] – для выполнения своей главной функции – защиты.

В милицанере нет сексуальности. Он спасает девушку не для того, чтобы овладеть ею. Даже санкционированный секс, намек на него, вызывает в милицанере чувство противоречия – дело создания семейной ячейки – это дело государственной важности, но вместе с тем слишком земное, нечистое, плотское, тогда как милицанер должен существовать в чистоте [Ковтун, 2020, с. 220–245]. Женские образы представлены скупой – жена, невеста – Скорая помощь, а также Милицанерша – смерть, примечательно, что Милицанерша не является женой милицанера. Образ Милицанерши еще раз подчеркивает надмирную сущность Милицанера. Образ женщины же дескарализуется, о чем подробно у Н.В. Ковтун [Ковтун, 2020, с. 220].

В предуведомительной беседе № 3 сам Автор поясняет значение слова «апофеоз»: «Автор Это торжество перед лицом дальнейшей невозможности.

Милицанер Как это? Как угадаешь, что дальше невозможно? Только после смерти.

Автор Да, апофеоз – это торжество жизни в лучах восходящей смерти!» [Пригов].

Торжество перед лицом дальнейшей невозможности – это фактически отсутствие, симулятивность. У знака «милицанер» есть только означающее, сконструированное из осколков соцреалистического мифа, но означаемого нет.

Вывод. Таким образом, приговский милиционер в парадигме Бодрийяра представляет собой третий порядок симулякра – знак, скрывающий отсутствие оригинала, в данном случае – высмеивающий факт отсутствия. В этом смысле симулякр Пригова является переходом уже к четвертому порядку симуляции, которые были продемонстрированы продолжателями московского концептуализма, арт-группой Война и Пусси Райот. Четвертый порядок симулякров уже не скрывает разрыва знака и означаемого, демонстрирует его отсутствие открыто, в данном случае – основную сущность милиционера – защиту народа и близость с ним.

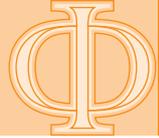
Библиографический список

1. Батай Ж. Слезы Эроса // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 271–308.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Книга по требованию, 2013. 254 с.
3. Гриценко А., Куклачев Д. Цензура совести // Деловая газета «Взгляд» от 19 марта 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/culture/2008/3/19/153326.html>
4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
5. Закон РФ «О милиции» от 18.04.1991 № 1026-1 (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
6. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 569–584.
7. Ковтун Н.В. О женском и женственном в советских текстах Д.А. Пригова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 220–245.
8. Пригов Д. Апофеоз милиционера // Современная русская поэзия [Электронный ресурс]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera>
9. Саенко Н.Р. Онтологическая поэтика пустоты: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 161 с.
10. Сергеев С. «А рядом стоял я в треуголке» (интервью с Приговым Д.А. специально для «Нового времени») [Электронный ресурс]. URL: <http://prigov.ru/bukva/interv.php>
11. Трофименков М. Человек, который никогда не ошибался, 90 лет Сергею Михалкову // Коммерсантъ. 2003. № 42 от 13.03. С. 22.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://shieldandword.mozohin.ru/documents/ukaz8673.htm>
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

Сведения об авторах

Глушенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: netzumi@mail.ru

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: zagi9@rambler.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-64>

TRANSFORMATION OF THE IDEA OF POWER TOTALITY IN POSTSTRUCTURALISM DISCOURSE (BASED ON THE CYCLE “APOTHEOSIS OF POLICEMAN” BY D.A. PRIGOV)

O.A. Glushenkova (Krasnoyarsk, Russia)

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper analyzes transformation of an image of power totality in the conditions of the openness of the information society system, according to the Moscow conceptualism of D. Prigov.

The purpose of the article is to provide an assessment of the representation of a positive image of power in the Soviet mass media, through legislative acts (the law on the Soviet police) and its further deconstruction in the works of Moscow conceptualists.

Research results. The article demonstrates the importance of a policeman as a power representative within paradigm of social semiosis of J. Baudrillard’s simulacra – through the formation of a simulacrum in its stages; of J. Deleuze’s simulacrum – as an image devoid of similarity, considering the simulacrum through the paradigm of Plato’s vision of being; of J. Bataille’s simulacrum – as a meaning that deforms being itself – in the original ontological sense of the concept of simulacrum; and of S. Žižek’s social theory of post-Marxism – as an illusory “objective necessity”, continuing the Marxist concept of alienation in the broadest sense. The author considers the representation of power in the image of a policeman from the third order of simulacra: in the need to conceal the absence of the original actual meaning, to the fourth order – in the totality of simulation.

Conclusion. The problem of the totality of power and its representation in the literature is raised symbolizing the crisis of the existing ontology of identity and the transition to the ontology of differences where the signified is no longer identical to the signifier, where the policeman stands and “does not hide”.

Keywords: *simulacrum, D. Prigov, Moscow conceptualism, J. Baudrillard.*

References

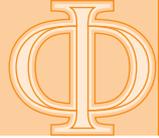
1. Bataj Z.H. Slezy Erosa [Tears of Eros]. Tanatografiya Erosa: ZHorzh Bataj i francuzskaya mysl' serediny HKH veka. SPb.: Mifril, 1994. P. 271–308.
2. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyaciya [Simulacra and simulation]. Tula: Kniga po trebovaniyu, 2013. 254 p.
3. Gricenko A., Kuklachev D. Cenzura sovesti [Censorship of conscience] // Delovaya gazeta „Vzglyad” ot 19 marta 2008 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vz.ru/culture/2008/3/19/153326.html>
4. Zhizhek S. Dobro pozhalovat' v pustynyu real'nogo [Welcome to the real desert. M.: Fond „Pragmatika kul'tury”, 2002. 160 s.
5. Zakon RF “O milicii” ot 18.04.1991 № 1026-1 (poslednyaya redakciya) [The law of the Russian Federation “On the police” of 18.04.1991 No. 1026-1 (last edition)] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/
6. Klark K. Polozhitel'nyj geroj kak verbal'naya ikona [The positive hero as a verbal icon] // Soc-realisticeskij kanon. SPb.: Akademicheskij proekt, 2000. P. 569–584.

7. Kovtun N.V. O zhenskom i zhenstvennom v sovetskih tekstah D.A. Prigova [On the feminine and feminine in Soviet texts by D.A. Prigova] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2020. No. 64. P. 220–245.
8. Prigov D. Apofeoz milicanera [The apotheosis of the policeman]. Sovremennaya russkaya poeziya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-prigov-apofeoz-milicanera>
9. Saenko N.R. Ontologicheskaya poetika pustoty: monografiya [Ontological poetics of emptiness: a monograph]. M.: Akademiya Estestvoznaniya, 2010. 161 p.
10. Sergeev S. „A ryadom stoyal ya v treugolke” (interv’yu s Prigovym D.A. special’no dlya „Novogo vremeni”) [“And I was standing next to him in a cocked hat” (interview with Prigov D.A. specially for. “New time”)] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://prigov.ru/bukva/interv.php>
11. Trofimenkov M. Chelovek, kotoryj nikogda ne oshibalsya, 90 let Sergeyu Mihalkovu [Censorship of conscience] // Gazeta “Kommersant”. 2003. No. 42 ot 13.03. P. 22.
12. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR „Ob osnovnyh obyazannostyah i pravah sovetskoj milicii po ohrane obshchestvennogo poryadka i bor’be s prestupnost’yu” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the basic duties and rights of the Soviet militia to maintain public order and fight crime”] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/documents/ukaz8673.htm>
13. Fuko M. Nadzirat’ i nakazyvat’. Rozhdenie tyur’mu [Discipline and Punish. The birth of a prison] / per. s fr. V. Naumova; pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 1999. 480 p.

About the authors

Tatiana Andreevna Zagidulina – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: zagi9@rambler.ru

Olga Alexandrovna Glushenkova – Graduate student, Faculty of Philology, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: netzumi@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-65>

УДК 821.161.1

СИБИРЬ КАК АНТИУТОПИЯ В ДИЛОГИИ А.В. РУБАНОВА «ХЛОРОФИЛИЯ» И «ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ»

Т.А. Богумил (Барнаул, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В центре внимания статьи находится проблема взаимодействия пространства (Сибири) и культуры (утопическая традиция), что составляет круг интересов исследователей сибирского текста, шире – любого локального текста, а также представителей геокультурного и геопозитического подходов.

Цель настоящего исследования – обозначить произведения, в которых (анти)утопия географически локализована в Сибири, за исключением уже достаточно изученной беловодческой темы; охарактеризовать функции сибирского локуса в художественном мире дилогии А.В. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля».

Результаты исследования. В результате намечена линия преемственности утопической традиции: от Ф.В. Булгарина через А.К. Гастева к романам А.В. Рубанова.

Выводы. Выявлено, что в дилогии А. Рубанова пространство Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру и синекдохе России; является колонией и условием существования московской утопии; местом ссылки и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей.

Ключевые слова: *утопия, Беловодье, сибирский текст, московский текст, петербургский текст, Ф.В. Булгарин, А.К. Гастев.*

Постановка проблемы. В задачи настоящей статьи не входит характеристика антиутопических черт дилогии А.В. Рубанова – они очевидны. Данные романы привлекли наше внимание в русле интереса к сибирскому тексту русской литературы. Тем самым акцент исследования смещен с жанровых аспектов на пространственную организацию произведений. Поскольку здесь мы имеем дело с географически локализованной антиутопией, есть смысл задуматься о том, какие особенности Сибири повлияли на отбор именно этого региона для размещения в нем (анти)утопического мира. Иначе говоря, о том, когда и как пространство семиотически осваивается культурой. Таким образом, в основе методологии настоящего исследования лежит традиция изучения локальных свертхтекстов¹, начатая в трудах Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и других представителей тартуско-московской школы, а также геокультурный² и геопозитический подходы [Абашев, 2012].

¹ Под свертхтекстом понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию (здесь – Сибирь. – Т.Б.), образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис, 2003].

² Обзор исследований в русле геокультурного подхода см. в [Эртнер, 2011].

Наличие утопической, «позитивной» семантики сибирского текста было отчетливо обозначено К.В. Анисимовым, который проиллюстрировал свой тезис примерами из мемуаров и эпистолярного декабристов, пьес Д.И. Фонвизина и А.М. Горького [Анисимов, 2007]. Утопические мотивы оказались связаны с сибирским пространством в процессе идеологического обоснования завоевания Сибири Московским царством – в летописях XVII в. [Чмыхало, 2001], в трудах историков, публицистов, мыслителей XVIII–XIX вв. [Анисимов, 2007, с. 61–64]. В старообрядческой среде существование «далекой земли», противопоставленной центру – Москве, провоцировало рождение социально-утопических чаяний, в частности веры в существование Беловодья, «земного рая», на востоке империи [Чистов, 2003, с. 279–330]. Поиск Беловодья, стимулировавший миграционные процессы с конца XVIII в., становится литературным сюжетом в конце XIX в. [Чистов, 2003, с. 327, прим. 99] и продолжает быть востребованным вплоть до настоящего времени. Особенно активно данная утопия места осваивалась в литературе первой трети XX в. [Папкина, 2011; Литературная мифология..., 2019, с. 107–113; Богумил, 2020] и во второй половине XX в. в творчестве традиционалистов, где преобладает эсхатологическая идея гибели обретенного идеала [Ковтун, 2015; 2017, с. 84–95, 263–280, 539–569]. В последнее время Беловодье стало достоянием массовой и сетевой литературы, медиапроектов (сериал «Беловодье. Тайна затерянной страны», реж. Е. Бедарев, 2019), туристическим брендом. В романе алтайского писателя В.Н. Токмакова «Запретная книга Белого Бурхана» (Барнаул, 2017) представлена постмодернистская версия заповедной страны. «Бурханостан» – лишь симулякр утопии [Богумил, 2018, с. 96–98].

Впрочем, Беловодье не единственный, хотя и самый плодотворный вариант утопического мира, дислоцированного где-то в Сибири. В литературе были прецеденты создания иных «тутопий»³.

Цель настоящего исследования двоякая. Во-первых, обозначить (анти)утопические произведения, связанные с сибирским пространством, но лежащие вне беловодческой темы. Во-вторых, охарактеризовать функции сибирского локуса в художественном мире дилогии А.В. Рубанова.

Результаты исследования. Один из первых русских утопистов Ф.В. Булгарин создал научно-фантастическую повесть-ухронию «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке» (1824)⁴, в которой рассказчик после 1000 лет беспомощности очнулся в университете на самом северном мысу Чукотки. Интересна первая реакция героя на информацию, где именно он находится:

«– Как этот город называется? – спросил я.

– Надежин, – отвечал слуга.

³ Термин А. Эткинды, подчеркивающий специфическую для русской постреволюционной утопии локализацию в реальной, а не условной стране [Эткинды, 2001, с. 414].

⁴ В.П. Шестаков относит этот текст к «легкому чтиву» и не удостоивает анализа [Шестаков, 1995, с. 47]. Напротив, Б.Ф. Егоров положительно оценивает повесть как пионерский опыт научно-фантастической утопии [Егоров, 2007, с. 141]. Н.В. Ковтун также трактует развлекательный характер повести скорее как достоинство, превращающее социальную утопию в роман [Ковтун, 2009, с. 58–60]. О роли фантастических произведений Ф.В. Булгарина в становлении массовой словесности см. [Климентьева, 2019].

– В какой стране он лежит?

– В Сибири, на Шелагском Носу.

При сих словах я громко рассмеялся.

– Как в Сибири! – воскликнул я» (с. 318)⁵.

«Смех ума» [Карасев, 1996, с. 17–23] рождается из вопиющего несовпадения былого и нового образа Сибири: «Кто бы подумал, что Шелагский Нос, только что описанный в наше время и состоявший из ледяных и снежных глыб, будет населен? Что суровый климат северной Сибири превратится в роскошную полуденную страну, в Эльдорадо...» (с. 320). Нервический смех персонажа, подозревающего себя в безумии, одновременно выступает маркером окончательного перехода в утопию⁶, желанное мироустройство (см. «говорящее» название города – Надежин, т.е. «надежда, будущая опора»). Климатические изменения планетарного масштаба (потепление в Арктике, похолодание в Африке), экологические проблемы (тотальное истребление лесов, осушение болот, исчезновение живности, населявшей эти природные зоны), рост численности населения – все это трансформировало привычную наблюдателю реальность. Прошлые XIX в. и настоящее XXIX в. соотносятся посредством «перевертыша», частотного для жанра утопии приема [Чернец, 1982, с. 125–127]. Язык, нравы, продукты питания, материальные и духовные ценности, строительный материал, транспорт, науки, социальное устройство, даже физиология человека претерпели улучшение. Благодаря техническим изобретениям достигается проницаемость пространства. Абсолютно все ранее пустынные районы в Азии, Африке, Америке и пр. теперь густо населены. Человек свободно передвигается по суше и воздуху, по воде и под водой; оптические и аудиальные приборы скрадывают расстояние, дают возможность подробно рассмотреть и услышать дальнее и сокровенное; освоена Луна («Я посмотрел в телескоп на Луну и увидел на ней города, крепости, горы, леса – точно в таком виде, как представляются окрестности Страсбурга с башни Минстера» (с. 343)). Более того, частично преодолены границы между жизнью и смертью. Некий *radix vitalis* (жизненный корень), способен оживлять «утопленников, задохшихся и всех несчастных, у которых жизненные силы остановились от прекращения дыхания, без расстройств органов» (с. 319).

Окраины Сибири и Север контрастируют с южными территориям Земли: «...теперь мороз водворился в Индиях и в Африке, а полярные страны сделались самыми роскошными и плодородными» (с. 320). Однако определяющей пространственной оппозицией в произведении Ф.В. Булгарина является противопоставление былых границ Российской империи ее центру: «...я упал в море <...> поблизости Петербурга, а сего дня нахожусь в Сибири, на Шелагском Носу, в великолепном городе!» (с. 319). Рукопись закономерно обрывается в момент приезда героя в Петербург. Описание Петербурга XXIX в. отсутствует, хотя продол-

⁵ Здесь и далее ссылки на текст Ф.В. Булгарина приводятся по изданию (Булгарин, 1997). В круглых скобках указана страница.

⁶ Ср. с аналогичной медиативной функцией смеха в следующих работах: [Аверинцев, 1992; Бахтин, 1990; Лихачев, Панченко, 1984].

жение повести анонсировано «издателем» рукописи. Тем самым возвращение в локус столицы сопровождается переходом в реальное историческое время, выводит из мира утопии.

Понятно, что Сибирь и Русский Север оказались территорией, подходящей для размещения утопии в силу периферийного положения по отношению к максимально освоенному русскими центру страны (Москва / Петербург). Неведомое, труднодостижимое, «чужое» всегда надделено мощным семантическим потенциалом.

Сибирь вновь стала пространством утопии незадолго до и после революции 1917 г., о чем свидетельствует всплеск интереса к беловодческому сюжету, здесь не рассматриваемому. В рассказе А.К. Гастева «Экспресс. Сибирская фантазия» (1916) представлен утопический мир, локализованный за Уралом. Каждый сибирский город – мировой центр определенного вида деятельности: Курган – «город масла, хлеба, мяса»⁷, «кухня мира»; Ново-Николаевск – «Сталь-город»; Красноярск – «мозг Сибири» и «верфь мира»; Иркутск – деловой и финансовый центр; Бодайбо – «золотая столица»; Якутск – бумажный центр; Охотск – аквакультурный центр; Гижигинск – место «буржуазной неги», туристический центр; Камчатка – «кочегарка мира». Как водится в утопии, все города отличается планомерность и упорядоченность, они залиты светом, технически совершенны. Самым необычным является не существующий на реальной карте город Беринга, который, подобно фантазиям Ф.В. Булгарина, построен на морском дне. В лучших традициях жанра в нем воздвигнуты «хрустальные дворцы из морского янтаря»; человек смело преобразует природу: «...согнать снега с полюса, изменить направление теплых течений в океанах и смягчить весь полярный климат»; Сибирь ожидает «революция земледелия и садоводства». Экспресс («локомотив истории») стремительно преодолевает пространство и время, «поет» не о тяжелом прошлом, но о «грядущих радостных подъемах».

Как видим, огромные пространства Сибири (10 млн км²), ограниченность региона (с севера и востока – моря, с запада и юга – горы и плоскогорья), его неисчислимы ресурсы и непростые природно-климатические условия воплощали семантический потенциал для создания утопии. В дальнейшей советской литературе о Сибири мы не находим столь беспримесного примера жанра, но утопический пафос преобразования человеком пространства Сибири и человека пространством Сибири, несомненно, пронизывает соцреалистическую культуру.

В освоении утопической тематики советскими писателями наблюдается две тенденции: если в раннесоветской литературе преобладала утопия, отнесенная к будущему («прекрасное далеко»), то в творчестве традиционалистов утопия локализована в прошлом («светлое прошлое») [Парте, 2004]. Русский постмодернизм, создававшийся на отталкивании от соцреалистического канона, сохранил тем не менее временную приуроченность утопии и утопического к будущему (см., например, роман В.О. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011), романы В.Г. Сорокина «Голубое сало» (1999), «Лед» (2002), «Теллурия» (2013)). Согласно наблю-

⁷ Здесь и далее цитаты даны по электронному ресурсу без указания страниц (Гастев, 1916).

дениям Я. Войводич, Сибирь в художественном мире Сорокина – «место великого изобретения, появления нового вещества» [Войводич, 2015, с. 242]. Роль Сибири как источника нового – опыта, знаний – одна из констант сибирского текста, в т.ч. утопической его составляющей.

Как было отмечено выше, главный структурно-семиотический параметр сибирского текста – «ситуация отдаленности» от культурного центра [Анисимов, 2005, с. 23]. На обыгрывании данной оппозиции построена антиутопическая диалогия А.В. Рубанова «Хлорофилия» (2009) и «Живая земля» (2010). Не вдаваясь в описание антиутопического (первый роман) и постапокалиптического (второй роман) мира Москвы⁸, обратим внимание на сибирский локус, который претерпевает определенные метаморфозы. Согласно официальной историографии, в далеком прошлом Восточная Сибирь была «диким полем» (с. 40)⁹, где «русский человек не сподобился вырастить картофельный клубень» (с. 40). В начале романа безбедное существование всех россиян, сконцентрированных в Москве, обеспечено тем, что Сибирь отдана в аренду Китаю. Трудолюбивые китайцы создали в Сибири подобие Эдема: «цветущие сады, заводы и фабрики» (с. 40), «выращивают хлеба в десять раз больше, чем выращивали русские в самые лучшие годы на самых лучших черноземах» (с. 70). Но однажды выясняется, что беспечное и счастливое процветание россиян оплачено слишком дорогой ценой: «...леса сведены под корень, почва истощена, реки загрязнены, животный мир уничтожен» (с. 284–285), «...природные ресурсы Восточной Сибири истощены на четыре пятых. Точка, после которой естественное возобновление невозможно, давно пройдена...» (с. 173). Тем самым доведена до предела изначальная, восходящая к XVII в. историко-идеологическая роль Сибири как колонии [Bassin, 1991; Анисимов, 2005, с. 291–295] – формально «своей», но фактически «чужой» территории, чьи ресурсы опосредованно, руками китайцев, выкачиваются метрополией. Крах потребительской утопии связан с исчерпанием природных богатств, экологической катастрофой.

Такой финал политического союза России и Китая был предсказуем. Недаром идея отдать гигантские обезлюдившие территории в аренду китайцам была принята далеко не всеми. Протестующие организовали сибирское партизанское движение¹⁰. В официальной версии, транслируемой школьными учителями, партизаны – «непримиримые идеалисты» (с. 42). Диссидентствующие студенты намекают на альтернативную трактовку антикитайской оппозиции как организованной спецслужбами провокации. Цель ее – напугать граждан и сформировать общественное мнение в пользу всеобщей оцифровки. Так или иначе, Сибирь выступает как локус (мнимо)противопоставленный центру и государственной политической стратегии.

⁸ См.: [Комовская, 2017; Завьялова, 2018; 2020].

⁹ Здесь и далее цитаты из романа «Хлорофилия» приводятся по изданию (Рубанов, 2011). В круглых скобках указаны страницы.

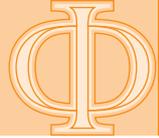
¹⁰ Романная партизанщина, по-видимому, коррелирует с реальной революцией и Гражданской войной в России, в т.ч. в Сибири, в начале XX в.

Идеология сибирского сопротивления изложена в запрещенной цензурой книге «Терра нострум»¹¹, т.е. «Наша земля». В учении «бесноватого Агафангела» (с. 42) обозначена национальная ментальность и миссия русских – быть бескорыстным владельцем, хозяином и работодателем, но не пользователем, рабом или работником. Русская земля «заповедна навеки» (с. 42); «[д]икие сибирские территории должны пребывать в собственности русских и оставаться дикими, в том же самом виде, в каком обнаружил их покоритель Сибири Ермак Тимофеевич» (с. 42–43). Умозрительное, абстрактное обоснование неприкосновенности Сибири дополняет глубоко личная мотивировка сопротивления. Командир партизан говорит китайскому парламентарю, предложившему сдаться: «Я тут хозяин, а ты гость. Для меня тут все мое, а для тебя – чужое. Если я сдамся, меня моя земля не поймет. По моей земле могу ходить только я. Потому что в эту землю я своего отца зарыл. А настанет время – и меня сюда же заруют. <...> ...у русских ничего нет. Ни ума, ни культуры. Была когда-то нефть, и газ, и уголь, и камешки, и металлы цветные, но давно уже все распродано, а деньги по ветру пущены. Была культура великая, но ушла через телевизор, как через унитаз. <...> Все, что у нас осталось, – это земля, которую за сто лет не обойти. И вся наша надежда – землю сберечь и внукам передать, с той мыслью, что внуки будут умней дедов и найдут своей земле достойное применение...» (с. 302–303). Не случайно даже после прекращения партизанского движения среди россиян сохраняются инакомыслящие – эскаписты, или «бегуны» (с. 199)¹². По неподтвержденной версии, некоторые из них, подобно своим историческим прототипам, уходят в Сибирь.

Впустив чужой народ в Сибирь, русские потеряли себя. Баснословное богатство Москвы-России обеспечено, так сказать, продажей «первородства»: «народбогоносец» (с. 99) устал от своей миссии, пресытился «бесконечными войнами, кризисами и прочими глобальными потрясениями» (с. 98) и продался за «похлебку». «Мы конченная нация» (с. 70), «пустили по рукам великую державу, сдали родину внаем» (с. 274), – горько говорят персонажи задолго до того, как идеальный московский мир рухнул, и после краха. Интересны попытки «интеллигентно» (с. 273) самооправдаться, прозвучавшие в документальном фильме «Назад, через Амур»: «Беда русского человека в том, что он все время мучительно пытается быть достойным своей страны. Как бы ни был велик каждый из нас в отдельности – он абсолютно ничтожен в сравнении с территорией. Несопоставимость масштаба части и целого – наша национальная драма. Сибирский эксперимент был возможен только в России, ибо каждый русский в душе неисправимый мегаломан и любит только то, что необъятно...» (с. 273–274). Конечно, подобные рассуждения возможны только благодаря наличию Сибири в границах России, ведь именно Сибирь составляет львиную долю страны. Тем самым, следуя логике автора фильма, можно сказать, что источник национальных и индивидуальных комплексов – Сибирь. Это велеречивое рассуждение оценивается слуша-

¹¹ Правильно: «терра ностра».

¹² Название позаимствовано из номинации одного из беспоповских направлений старообрядчества.

телем как псевдофилософия, демагогия, спрятанное за красивыми словами снятие ответственности за свои решения и поступки.

В финале романа «Хлорофилия» намечен новый виток истории, альтернативный тому, где возникла утопия, закончившаяся биоантропологической эсхатологией. Гигантские пространства между Москвой и Сибирью оказались не вполне обезлюдившими. Их населяют дикари, потомки тех, кто в свое время не перебрался в столицу. Когда поселенцы из Москвы захотели выменять земли племени на ножи, топоры, берданку, повидло и женщину, те отказались: «землю на повидло не меняю» (с. 301), – гордо ответил старый вождь. Молодой вождь солидарен с отцом: «Землю не дам. Она моя. По ей хожу только я. И еще – Белый Лось. А тебе – никак нельзя» (с. 307); «Земля – моя <...>. Все, что на ей, – мое. Все, что в ей, – тоже мое. Ходи по ей, свое делай – а помни, по чьей земле ходишь. А забудешь – придет Белый Лось и топтать тебя будет. Пока совсем не затопчет» (с. 339). Как видим, эта речь в более примитивной форме повторяет слова командира сибирских партизан, некогда сказанные китайцам. В результате потенциальных захватчиков убили, остальные москвичи были изгнаны. На руинах развивается новая, постиндустриальная цивилизация. Дикари отчетливо делят мир на «свой» и «чужой», что позволяет им сохранить самоидентичность. Высокоразвитые и толерантные европейцы утратили подобную оптику до полной потери самости: Европа превратилась «в огромный обветшавший музей, где под сенью великих монументов бродили толпы выходцев из Африки, вымогая у растерянных правительств пособия и субсидии» (с. 98). У россиян-москвичей последствия оказались еще более радикальными, привели к потере человеческой сущности – превращению в растения.

Сибирь после катастрофы – исхода китайцев – возвращает свою историческую роль: становится зоной ссыльных поселений для потребителей и распространителей мякоти травы. Территории дикарей находятся до Урала, но функционально соотнесены с новой Сибирью: «Какая ей разница, где валяться? Здесь, в лесу, с дикарями или в Сибири с уголовниками? <...> Если я ей скажу, что этот лес и есть Сибирь, а бородатые мужики – осужденные травоеды, она так и будет думать» (с. 304). Посредством соотнесения с дикарями, сибирские поселенцы становятся участниками потенциального возрождения рухнувшего мира. Во втором романе качество «дикости» экстраполируется на постапокалиптическую Москву, следовательно, именно в ней обитают люди, отстаивающие базовые человеческие ценности: свою землю, женщину, семью.

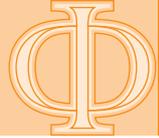
Когда китайцы уходили за Амур, то, испугавшись военной угрозы Москвы, оставили всю инфраструктуру – дороги, дома, электростанции. Программа освоения Сибири был проверкой сил перед осуществлением гораздо более грандиозного проекта, многократно осмысленного в утопической литературе, – переселения на Луну. То, что в Сибири возможно репетировать лунные условия, устанавливает отношения эквивалентности между пространствами и задает утопический регистр восприятия земного локуса. Вопреки экологическому апокалип-

сису, заявленному в конце первого романа, Сибирь осталось «живой»: «...глазам открылась изумрудная даль под неярким солнцем, пологий распадок меж двух сопков, бесконечные волны шевелящихся ветвей. <...> Странно, ведь считается, что всю Сибирскую тайгу свели под корень китайцы, еще до искоренения, а она, оказывается, вот – жива, цела, безбрежна. Или не всю ее свели? Или никому не под силу свести ее всю?»¹³. Подобно регенерации природы, восстановима оказалась и подлинная человечность, и попытки людей быть счастливыми здесь и сейчас, создать «земной рай». На горизонте герой видит Купол – «[о]броненный богом и вдавленный в планету шарик для пинг-понга диаметром сто километров».

Игра в пинг-понг предполагает перелет мяча, попеременную смену половины стола / поля. Оппозиция «столица – окраина», как это некогда случилось с Москвой и Петербургом, оказалась обратима. В Сибири находится Новая Москва, которая покрыта огромным прозрачным куполом из разработанного китайцами нанополимера, что поддерживает идеальный микроклимат. Это классическое (анти)утопическое общество с тотальной слежкой, культом «прозрачности» и манипуляцией психикой людей через чипирование. В романе сохраняется принцип контраста, противопоставления центра и периферии, Азии и Европы: «Здесь Сибирь, Азия; там Европа. Здесь Новая Москва, там – старая. <...> Здесь – сухо, чисто, светло и пахнет сладкими духами, там – грязно, потемки и вши по спинам бегают. А страна – одна и та же». Диаметральна идеология жителей Старой и Новой Москвы. Основа мировоззрения первых, по контрасту с прежним лозунгом «ты никому ничего не должен» (с. 8), – бережливость. Идеология вторых продолжает былые заблуждения: «...мы – сибиряки, хозяева ресурсов, мы пребываем в центре мира. <...> ...мы – избранные и нам весь мир должен. Вы там, у себя в Европе, контролируете отходы и расходы, – а мы контролируем все. Редкоземельные металлы. Воду. Древесину. Пушнину».

В контексте романа «Живая земля» сибирский текст оказывается тесно переплетенным с московским текстом и его базовой мифологемой – религиозно-политической концепцией «Москва – третий Рим» [Лотман, Успенский, 1982], а также с петербургским текстом русской культуры. Подобно Петербургу, который претендовал на роль наследника великой империи, Сибирь позиционирует себя Новой Москвой. И точно так же, как и в случае с Петербургом, святость и законность имперских притязаний следующей столицы подвергаются сомнению, ибо «четвертому Риму не бывать» (Филофей), новая столица – мнимая и призрачная [Лотман, Успенский, 1982, с. 248]. Об этом рассуждает «дикарь» Денис: «Мы живем в Москве, она – вечная. Москва – Третий Рим, а четвертому не быть. Так нас учат. А тут – временная новая столица. Когда-нибудь страна опять расцветет, от Белого моря до Черного. И обе столицы воссоединятся. Нас учат, что Новая Москва – место, где работает администрация. <...> ...мы живем дома, а вы – в офисе». Герой ставится перед выбором, где жить. Он совер-

¹³ Здесь и далее цитаты из романа «Живая земля» приводятся по электронному ресурсу без указания страниц (Рубанов, 2012).

шает его, ориентируясь не на официальную пропаганду («нас учат»), а на внутреннее ощущение подлинности своего мира: «Собственно, он не очень знал, что такое правильная жизнь. И тем более не знал, чем она пахнет. Но догадывался, что пахнет она просто. Дровами, штопаными телогрейками, женой, снегом, чаем». Из утопии герой возвращается в реальную жизнь, «к менее “совершенному” и более свободному обществу» (Бердяев, 1991, с. 474)¹⁴.

Вывод. Итак, локализация (анти)утопического мира именно в пространстве Сибири вызвана рядом историко-географических факторов. Весомую роль здесь сыграли естественные особенности региона (отграниченность, масштаб, природно-климатические условия, природные ресурсы) и исторически сложившаяся оппозиция «столица – периферия». На этом фоне особенно ярок контраст современного автору состояния Сибири с будущим ее преобразованием. Утопические образы Сибири, представленные в произведениях Ф.В. Булгарина и А.К. Гастева, как видится, не особенно повлияли на дальнейшую традицию сибирской (анти)утопии. Системные совпадения носят скорее жанровый, типологический, нежели генетический характер. Оригинальный, хотя и вписанный в сибирский текст русской культуры, образ Сибири представлен в диалогии А.В. Рубанова. Локус Сибири последовательно меняет свои функции: существует в оппозиции к Москве, центру и эквиваленту России; является колонией и условием существования московской утопии; местом ссылки и постапокалиптической «дикости» как основы потенциального возрождения; собственно утопическим городом, альтернативной столицей.

Список источников

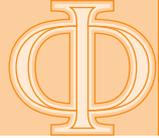
1. Бердяев Н. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. 81 с.
2. Булгарин Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке // Косморама: фантастические повести первой половины ХІХ века / сост., послесл., примеч. и подбор ил. Ю.М. Медведева. М., 1997. С. 315–358.
3. Гастев А.К. (Дозоров) Экспресс. Сибирская фантазия // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 3–12 [Электронный ресурс]. URL: http://archivsf.narod.ru/1882/alexey_gastev/story_01.htm
4. Рубанов А. Живая земля. М., 2012. 348 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7578>
5. Рубанов А. Хлорофилия. М., 2011. 345 с.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики. Пермь, 2012. 140 с.
2. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7–19.
3. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Томск, 2007. Вып. 2. С. 60–76.

¹⁴ Перспективным представляется рассмотрение диалогии как вариации двух типологических вариантов романа-антиутопии: «антиэпопейного» и «антидиллического» [Козьмина, 2005]. Гипотетически роман «Хлорофилия» тяготеет к первому варианту, а «Живая земля» – ко второму.

4. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 541 с.
6. Богумил Т.А. Алтай в биографии и творчестве В.Я. Шишкова («Алые сугробы») // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140. DOI: 10.17223/24099554/13/8
7. Богумил Т.А. Беловодье: легенда, мифологема, бренд // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 89–102.
8. Войводич Я. Миф и неомифологическое сознание. Образ Сибири как пространства будущего в текстах В. Сорокина и В. Пелевина // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста. Тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М., 2015. С. 233–246.
9. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. 414 с.
10. Завьялова А.П. Особенности хронотопа в романе А. Рубанова «Хлорофилия» // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 16. С. 44–54.
11. Завьялова А.П. Художественные особенности постапокалиптического мирообраза в дилогии А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» // Материалы VIII Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург, 2020. С. 210–216.
12. Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996. 221 с.
13. Климентьева М.Ф. Явление интериоризации в сюжетах фантастических повестей Ф.В. Булгарина 1820–1840 годов // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 2. С. 5–13. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13
14. Ковтун Н.В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. М., 2015. С. 153–189.
15. Ковтун Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. 494 с.
16. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты. М., 2017. 600 с.
17. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии (на материале русской литературы XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 222 с.
18. Комовская Е.В. От гомо сапиенса до гомо советикуса к гомо флорусу (На основе романов идей А.А. Зиновьева и А.А. Рубанова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72): в 3 ч. Ч. 1. С. 22–24.
19. Литературная мифология Алтая / Е.А. Худенко, А.И. Куляпин, Т.А. Богумил, Н.И. Завгородняя. Барнаул, 2019. 178 с.
20. Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1984. 295 с.
21. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык средневековья / отв. ред. В.А. Карпушин. М., 1982. С. 236–249.
22. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
23. Папкина Е.А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 3. С. 133–140.
24. Парте К. Русская деревенская проза: Светлое прошлое. Томск, 2004.
25. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М., 1982. 192 с.
26. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. 539 с.
27. Чмыхало Б.А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. 2001. Вып. 2, т. 1. С. 107–116.

28. Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995. 208 с.
29. Эртнер Е.Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 6–12.
30. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. 484 с.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

Сведения об авторе

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул); e-mail: tbogumil@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-65>

SIBERIA AS AN ANTI-UTOPIA IN A.V. RUBANOV'S DILOGY "CHLOROPHYLIA" AND "LIVING EARTH"

T.A. Bogumil (Barnaul, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The main focus of the article is on the problem of interaction between space (Siberia) and culture (utopian tradition) that constitutes the range of interests for researchers of a Siberian text, in a broader sense, of any local text, as well as for representatives of geocultural and geo poetic approaches.

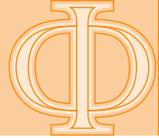
The objectives of this study are to identify works in which (anti) utopia is geographically localized in Siberia, with the exception of the already sufficiently studied topic of Belovodye; to characterize the functions of the Siberian locus in the artistic world of A.V. Rubanov's diology "Chlorophylia" and "Living Earth".

Research results. As a result, a line of succession of the utopian tradition was outlined: from F.V. Bulgarin through A.K. Gastev to the novels of A.V. Rubanov. *Conclusions.* It was revealed that in A. Rubanov's diology the space of Siberia consistently changes its functions: it exists in opposition to Moscow, to the center and the synecdoche of Russia; it is a colony and a condition for the existence of the Moscow utopia; it is a place of exile and post-apocalyptic "savagery" as the basis of a potential revival; it is a proper utopian city, an alternative capital.

Keywords: *utopia, Belovodye, Siberian text, Moscow text, St. Petersburg text, F.V. Bulgarin, A.K. Gastev.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Abashev V.V. Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics]. Perm', 2012. 140 p.
2. Averintsev S.S. Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura [Bakhtin, laughter, Christian culture] // M.M. Bakhtin kak filosof. M., 1992. P. 7–19.
3. Anisimov K.V. Paradigmatika i sintagmatika «Sibirskogo teksta» russkoy literatury [Paradigmatics and syntagmatics of the "Siberian text" of Russian literature] // Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture / pod red. A.P. Kazarkina, N.V. Serebrennikova. Tomsk, 2007. Vyp. 2. P. 60–76.
4. Anisimov K.V. Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, 2005. 304 p.
5. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. M., 1990. 541 p.
6. Bogumil T.A. Altay v biografii i tvorchestve V.Ya. Shishkova ("Al'yee sugroby") [Altai in the biography and work of V.Ya. Shishkova ("Scarlet snowdrifts")] // Imagologiya i komparativistika. 2020. No. 13. P. 128–140. DOI: 10.17223/24099554/13/8
7. Bogumil T.A. Belovod'ye: legenda, mifologema, brend [Belovodye: legend, mythologeme, brand] // Kul'tura i tekst. 2018. No. 3 (34). P. 89–102.
8. Voyvodich YA. Mif i neomifologicheskoye soznaniye. Obraz Sibiri kak pro-stranstva budushchego v tekstakh V. Sorokina i V. Pelevina [Myth and neo-mythological consciousness. The image of Siberia as a space of the future in the texts of V. Sorokin and V. Pelevin] // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta. Tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI vekov. M., 2015. P. 233–246.

9. Yegorov B.F. Rossiyskiye utopii: Istoricheskiy putevoditel' [Russian Utopias: A Historical Guide]. SPb., 2007. 414 p.
10. Zav'yalova A.P. Osobennosti khronotopa v romane A. Rubanova "Khlorofiliya" [Features of the chronotope in A. Rubanov's novel "Chlorophilia"] // Aktual'nyye problemy filologii. 2018. № 16. P. 44–54.
11. Zav'yalova A.P. Khudozhestvennyye osobennosti postapokalipticheskogo miroobraza v dilogii A. Rubanova "Khlorofiliya" i "Zhivaya zemlya" [Artistic features of the post-apocalyptic world image in A. Rubanov's dilogy "Chlorophilia" and "Living Earth"] // Materialy VIII Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh. Yekaterinburg, 2020. P. 210–216.
12. Karasev L.V. Filosofiya smekha [The philosophy of laughter]. M., 1996. 221 p.
13. Kliment'yeva M.F. Yavleniye interiorizatsii v syuzhetakh fantasticheskikh po-vestey F.V. Bulgarina 1820–1840 godov [The phenomenon of interiorization in the plots of the fantastic stories of F.V. Bulgarin 1820–1840] // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2019. No. 2. P. 5–13. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-2-5-13
14. Kovtun N.V. "Belovodskiy metatekst" v sovremennoy russkoy proze (k po-stanovke problemy) ["Belovodsk metatext" in modern Russian prose (to the problem statement)] // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XX vekov. M., 2015. P. 153–189.
15. Kovtun N.V. "Derevenskaya proza" v zerkale utopii ["Village prose" in the mirror of utopia]. Novosibirsk, 2009. 494 p.
16. Kovtun N.V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genezis, mifopoetika, konteksty [Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts]. M., 2017. 600 p.
17. Koz'mina Ye.Yu. Poetika romana-antiutopii (na materiale russkoy literatury XX veka) [Poetics of the dystopian novel (based on the material of Russian literature of the XXth century)]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 222 p.
18. Komovskaya Ye.V. Ot gomo sapiyensa do gomo sovetikusa k gomo florusu (Na osnove romanov idey A.A. Zinov'yeva i A.A. Rubanova) [From homo sapiens to homo sovieticus to homo flora (Based on the novels of ideas by A.A. Zinoviev and A.A. Rubanov)] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. No. 6 (72): v 3 ch. Ch. 1. P. 22–24.
19. Literaturnaya mifologiya Altaya [Literary mythology of Altai] / Ye.A. Khudenko, A.I. Kulyapin, T.A. Bogumil, N.I. Zavgorodnyaya. Barnaul, 2019. 178 p.
20. Likhachev D.S., Panchenko A.M. "Smekhovoy mir" Drevney Rusi ["Laughing World" of Ancient Russia]. M., 1984. 295 p.
21. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Otvzuki kontseptsii "Moskva Tretiy Rim" v ideologii Petra Per-vogo (K probleme srednevekovoy traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the concept "Moscow the Third Rome" in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in the culture of the Baroque)] // Khudozhestvennyy yazyk srednevekov'ya / otv. red. V.A. Karpushin. M., 1982. P. 236–249.
22. Mednis N.E. Sverkhsteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=5>
23. Papkova Ye.A. "Belovod'ye" Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura 1-y treti XX veka v poiskakh krest'yanskogo raya ["Belovodye" by Mikhail Plotnikov: Russian literature of the 1st third of the twentieth century in search of a peasant paradise] // Sibirskiyе ogni. 2011. No. 3. P. 133–140.
24. Parte K. Russkaya derevenskaya proza: Svetloye proshloye [Russian Village Prose: A Bright Past]. Tomsk, 2004.
25. Chernets L.V. Literaturnyye zhanry (problemy tipologii i poetiki) [Literary genres (problems of typology and poetics)]. M., 1982. 192 p.
26. Chistov K.V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend) [Russian folk utopia (genesis and functions of social-utopian legends)]. SPb., 2003. 539 p.

27. Chmykhalo B.A. Khudozhestvennoye prostranstvo v sibirskom letopisaniy XVII veka [Artistic space in the Siberian chronicle of the 17th century] // Nauchnyy yezhegodnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2001. Vyp. 2, t. 1. P. 107–116.
28. Shestakov V.P. Eskhatologiya i utopiya: Ocherki russkoy filosofii i kul'tury [Eschatology and Utopia: Essays on Russian Philosophy and Culture]. M., 1995. 208 p.
29. Ertner Ye.N. Geokul'turnyy podkhod k issledovaniyu prostranstvennoy obraznosti russkoy literatury [Geocultural approach to the study of the spatial image of Russian literature] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 1. P. 6–12.
30. Etkind A. Tolkovaniye puteshestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts]. M., 2001. 484 p.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P. 763–794.

About the author

Bogumil Tatiana Alexandrovna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul); e-mail: tbogumil@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация и перевод);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

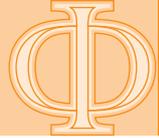
Текст

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

3. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Какого его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

4. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

5. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

Bibliograficheskiy spisok

Образец оформления

При ссылке на русскоязычный источник обязательны транслитерация и перевод (текст на английском языке заключается в квадратные скобки):

Iakovlev I.I., Khasan P.H. Keramika vostochnykh slavian [Ceramics of the Eastern Slavs. In Sovetskaia arkheologiya Soviet archeology]. 2015. № 1. P. 5–10. DOI:

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (data obrashheniya: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2020. № 4 (12)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Н.С. Шалимова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 23.11.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,1